

ОФИЦЕРЫ
РОССИИ

Владимир
Черкасов-Георгиевский

Генерал ДЕНИКИН

Владимир Черкасов-Георгиевский

Генерал Деникин

Серия «Офицеры России»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18481091

Генерал Деникин / Владимир Черкасов-Георгиевский: Горизонт; Москва;

2016

ISBN 978-5-906858-05-4

Аннотация

Книга В.Черкасова-Георгиевского «Генерал Деникин» написана в 1990-х годах по новейшим изысканиям того времени, что позволил доступ к самому широкому использованию мемуарных материалов за границей после Перестройка, а так же дали неоценимую помощь личные встречи с бывшими белыми офицерам, с их ближайшими родственниками. Постоянные поездки во Францию, США, Западную Европу автора, его интервью, беседы с живыми очевидцами Гражданской войны лучше любых фотографий и пожелтевших формуляров рисовали пережитую русскими трагедию Гражданской войны. В книге А.И.Деникин предстает в самом объемном виде: как семьянин, как писатель, как учащийся на всех ступенях его карьеры, начиная с реального училища. В центре – образ полководца. Деникин здесь прежде всего человек со всеми его характерными чертами, недостатками, причудами.

Вещь написана не казарменным изложением воинско-боевых действий, обстоятельств, а как плавный, беллетристичный рассказ о жизни этого великого офицера России. Поэтому книга интересна не только людям «военной косточки», а любым читателям. Предлагающаяся вашему вниманию книга «Генерал Деникин» написана в конце 1990-х годов, когда была жива дочь генерала А.И.Деникина Марина Антоновна – писательница, журналистка, телеведущая, автор уникальных мемуарных исследований по белоэмиграции. Работая над рукописью, автор неоднократно ездил к ней в гости в городок Версаль под Парижем, переписывался из Москвы. Благодаря долгим беседам и разъяснениям Деникиной А.И., автору удалось «вживую» обрабатывать в общем-то известный материал о жизни ее отца.

Содержание

Пролог	6
Часть первая (1872–1892 г.г.)	48
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Владимир Черкасов- Георгиевский Генерал Деникин

В историографии XX века генерал А. И. Деникин наиболее известен выдающимся полководцем Белой армии, в то время как он являлся и замечательным военным деятелем императорской России, заслуженным офицером на фронтах русско-японской и Первой мировой войн. Эта книга также раскрывает образ Деникина-публициста и писателя. Благодаря архивным исследованиям, личной встрече автора этой биографии с дочерью генерала М. А. Деникиной во Франции, читатель может познакомиться с совершенно новыми фактами из жизни бывшего белогвардейского главнокомандующего в эмиграции.

Пролог

«Деникина из маленького и большого Парижа»

Для меня город, носивший славное имя Государыни Императрицы Екатерины Великой, достопримечателен и поныне дважды. Во-первых, оттого что даже «в роли» Краснодара он описан в романе В. И. Лихоносова как «Наш маленький Париж» – одноименный своим названием белоэмигрантской Мекке во Франции. Во-вторых, здесь была столица белых Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР), и в начале марта 1919 года на Соборной улице Екатеринодара у Главнокомандующего добровольцев генерала Антона Ивановича Деникина родилась дочка Марина, которую я отлично знаю, встречаюсь с нею в Версале и переписываюсь как автор книг «Генерал Деникин», «Вожди Белых армий» и готовящейся к печати в московском издательстве «Центрполиграф»: «Барон Петр Николаевич Врангель – последний рыцарь Российской Империи».

Как выглядел А. И. Деникин екатеринодарского периода своей жизни? Член Особого совещания – правительства ВСЮР, управлявший его Отделом пропаганды, «главный идеолог деникинской диктатуры» профессор К. Н. Соколов

описывал:

«Наружность у наследника Корнилова и Алексеева самая заурядная. Ничего величественного. Ничего демонического. Просто русский армейский генерал, с наклонностью к полноте, с большой голой головой, окаймленной бритыми седеющими волосами, с бородкой клинышком и закрученными усами. Но прямо пленительна застенчивая суровость его неловких, как будто связанных, манер, и прямой, упрямый взгляд, разрешающийся добродушной улыбкой и заразительным смешком... В генерале Деникине я увидел не Наполеона, не героя, не вождя, но просто честного, стойкого и доблестного человека, одного из тех «добрых» русских людей, которые, если верить Ключевскому, вывели Россию из Смутного времени».

Князь Е. Н. Трубецкой:

«Неясность его мыслей и недалёковидность его планов... кристальная чистота и ясность нравственного облика».

Член Совета государственного объединения в Киеве А. М. Масленников:

«Чудесный, должно быть, человек. Вот такому бы быть главою государства, ну, конечно, с тем, чтобы при нем состоял премьер-министр, хоть сукин сын, да умный».

Сам же диктатор Антон Иванович, которого сотрудники

за глаза добродушно прозвали «царем Антоном», мечтал, «когда все кончится», купить себе клочок южнорусской, кубанской земли. Грезилось ему, чтобы участок был около моря, с садиком и небольшим полем, где ловко сажать капусту. Так он и писал жене со ставропольского фронта:

«Ох, Асенька, когда же капусту садить?»

Заявил генерал и посетившей его в Екатеринодаре группе представителей кадетской партии:

– Моя программа сводится к тому, чтобы восстановить Россию, а потом сажать капусту.

Загорелось солнышко на семейном небосклоне Деникина, старшего на 19 лет своей жены (с какой повенчался в Новочеркасском соборе на Рождество 1918 г. под перестук выстрелов), когда у них в бывшем доме предпринимателя Фотиади, который сейчас в Краснодаре занимает театр «Премьера», родилась дочь. О сыне Антон Иванович мечтал, но и девочка от красавицы-жены – тоже хорошо.

Родилась Марина, которая станет во Франции крупной писательницей Мариной Деникиной-Грей, у «хозяина» юга России в полунищенской обстановке. Сам «царь Антон» ходил по теплой весне в тяжелой черкеске, и по секрету пояснял ее необходимость:

– Штаны последние изорвались, а летняя рубаша их не мо-

жет прикрыть.

«Рубахой» тогда называли гимнастерку. Сапоги у генерала тоже были дырявы, а разродившаяся жена сама стряпала в чадую кухни на Соборной улице, где в парадных комнатах наносила ей визиты, например, графиня Панина. Очевидец свидетельствовал, что Деникин «довольствовался таким жалованьем, которое не позволяло ему удовлетворить насущные потребности самой скромной жизни». Аскет Антон Иванович и офицерство приучал к этому, о чем «особист» К. Н. Соколов позже писал, что данная практика выводила «на выбор между героическим голоданием и денежными злоупотреблениями». Соколов также отмечал:

«Если взятки и хищения так развились на Юге России, то одной из причин тому являлась именно наша система голодных окладов».

Многие указывали Деникину на большую разницу в «зарплате» его офицеров с донским, кубанским войском и предрекали:

«Такое бережливое отношение к казне до добра не доведет, нищенское содержание офицеров будет толкать их на грабежи».

С присылкой в Новороссийск к началу лета 1919 г. запасов английского обмундирования Антон Иванович придел-

ся и продолжил из разъездов изливать душу в письмах жене, пестующей дочку в Екатеринодаре:

«Нет душевного покоя. Каждый день – картинахищений, грабежей, насилий по всей территории вооруженных сил. Русский народ снизу доверху пал так низко, что не знаю, когда ему удастся подняться из грязи. Помощи в этом деле ниоткуда не вижу. В бессильной злобе обещаю каторгу и повешение... Но не могу же я сам один ловить и вешать мародеров фронта и тыла...»

«Особое совещание определило мне 12 000 рублей в месяц. Вычеркнул себе и другим. Себе оставил половину (около 6 300 рублей). Надеюсь, ты не будешь меня бранить...»

* * *

Как же началась моя Деникиниана?

После Санкт-Петербургских похорон в июле 1998 года останков, найденных под Екатеринбургом, я позвонил из Москвы 79-летней дочери генерала Деникина Марине Антоновне, отдыхавшей в семье сына в Аркашоне на французском побережье Атлантики. В августе она должна была возвратиться домой в Версаль, и мы договаривались о будущей там встрече. Я уже начал писать книгу «Генерал Деникин» и ждал – не мог дожидаться встречи с дочкой великого русского генерала.

Когда коснулись минувших царских торжеств в Петербурге, Марина Антоновна сообщила, что французское телевидение пригласило ее в это время выступить с рассказом о Государе Императоре Николае II, но она отказалась. Среди причин отказа госпожа Деникина многозначительно выделила такой:

– После известия о расстреле царя папа во главе Добровольческой армии приказал отслужить панихиду по нему как по Верховному Главнокомандующему Русской армией, а не как по императору.

Вы понимаете?..

В связи с двурушным отношением Московской патриархии к похоронам екатеринбургских останков я вышел из ее прихожан, и заявление в таком же ключе дочери белого вождя меня смутило. В петербургских торжествах, когда российский президент пожал руку главе Дома Романовых князю Николаю Романовичу, я видел высокое отдание чести старой Императорской России, независимо от того, царственные ли останки наконец упокоились.

«Вы понимаете?» – спросила меня дочь легендарного генерала. Я не очень понимал.

По приезду в августе в Париж до М. А. Деникиной мне довелось увидеть одну из русских парижанок, чей отец дрался в Белой армии. Даме было за шестьдесят, но стройность ее фигуры и оживленнолюбезное выражение красивого породистого лица привлекали в лучших традициях этой истинной столицы мира.

Я уже видел белоэмигрантов и их потомков в США, в разных странах Западной Европы, но в Париже, гражданском оплоте отступивших белых, они ожидались особенными. Поэтому с почтительностью выслушал замечание дамы о том, что белые генералы мели в Париже улицы и жили на чердаках.

Версаль, Франция, конец 1990-х. Марина Антоновна Деникина беседует у себя дома с писателем В. Г. Черкасовым-Георгиевским

Дама закончила Сорбонну по славистике и хорошо знала русскую и советскую литературу. Она невольно подчеркнула ее отношение к нам, бывшим «совкам», упомянув о своем знакомстве с популярным нашим литератором Булатом Окуджавой. Он в его последний визит в Париж направил ей приглашение на свое здешнее выступление, но неожиданно заболел и скончался в местном госпитале.

Версаль, Франция, конец 1990-х. Фотографии А. И. Деникина на стене квартиры его дочери Марины Антоновны. На верхней – юнкерские годы, на нижней – заслуженный генерал. Фото В.Г. Черкасова-Георгиевского

Дама сказала:

– Окуджава пытался казаться значительнее того, что из себя представлял. Он вел себя так, будто окружающие не существовали.

Это я отнес к «необходимому» высокомерию белых. Потом сообщил: собираюсь в Брюссель, чтобы встретиться с внуком генерала Корнилова. (Этого теперь покойного пожилого господина, сына дочери генерала, в честь деда звали Лавр, хотя фамилия по отцу, бывшему адъютантом генерала Алексеева, потом – Деникина, Шапрон дю Ларре.)

Дама в ответ небрежно повела великолепными бровями и произнесла:

Да, некоторые еще ездят к нему на поклон...

Я осекся, о предстоящей встрече с Деникиной не захотелось упоминать. Перешли на «узко» парижские темы. Опытным гидом дама поведала, что в Музей эротики рядом со знаменитым кабаре «Мулен Руж» на площади Пигаль не стоит заходить:

– Я там не обнаружила для себя ничего выдающегося.

Опять я свернул на родное и поинтересовался патриотизмом русских парижан из «бывших, императорских». Дама ответила с ударением, но неопределенно:

– Все русские – страшные националисты.

Впрочем, некоторая определенность была: она-то уж, вроде, и не русская. И я спросил, в каких частях Белой армии сражался ее отец.

– Он был поручиком, – рассеянно сказала она, – кажется, корниловцем. Об этом – все вопросы к моему брату.

Дама светила с королевского лица элегантной парижской улыбкой, но мне не захотелось знакомиться с ее братом, хотя тот все же удосужился быть в курсе о боевом прошлом их отца. Я хорошо знал, что такое белый поручик...

Я помнил своего старого дядю перед смертью, его седые кудри, выцветшие васильки глаз: все словно слиняло после десятилетий советского укрывища офицерского прошлого и привело доживать век в Харькове. Тогда, в 1960-х годах, даже на уединенных с ним прогулках по заросшей окраине Харькова, в центре которого когда-то осыпали цветами белых освободителей, я не осмелился спросить его, в каких частях Добровольческой армии он воевал после того, как сра-

жался на фронтах Первой мировой войны. Это ведь был не Париж с Музеем эротики и «Мулен Ружем»!

Зато при мне, мальчишке, когда дядя появлялся у нас в Москве, мой отец напоминал ему о том бое в Ташкенте в январе 1919 года при офицерском Осиповском восстании:
– Да как же ты один на пулемете держал красных?

Дядя остался последним в живых из пулеметчиков на колокольне ташкентского перекрестка, откуда его группа отсекала огнем наступающих красногвардейцев. Он и стрелял до последнего патрона.

Отец был таким же, как я, глазающим мальчиком, когда дядя Саня уходил в этот бой. Дядя пилил дрова с соседом на запас семье во дворе, когда туда вошли за ним двое офицеров из подпольного «Туркестанского союза борьбы с большевизмом». Дядя выслушал их, отложил пилу. Взял свою фронтовую фуражку. Так же не говоря ни слова, надел ее и ушел с офицерами.

Мой отец тоже офицером воевал всю Вторую мировую войну в Советской армии, потом – в Войске Польском, несмотря на то, что перед ней дважды арестовывался за «контрреволюционную деятельность»: два года отсидел в Верхнеуральском политизоляторе и три – в Воркутинских

лагерях, где в 1937-м был под расстрелом. Последний раз его взяли после войны на шесть лет в Кайские лагеря Вятлага. Но он самоотверженно нес свои бои, может быть, потому что всегда помнил старшего брата одиноким пулеметчиком на ташкентской церковной звоннице.

Поэтому странен мне был в белообетованной стране такой разговор с неувядающей дочкой поручика. Я с надеждой ждал встречи с дочерью генерала, хотя уже начал кое-что понимать, пусть Марина Антоновна и совершенно риторически осведомилась по телефону на этот счет.

* * *

Дочь генерала Деникина, несмотря на еще более преклонные года, нежели первая встреченная мной русская парижанка, не уступала той изяществом фигуры и движений, а чертами лица превзошла.

Марина Антоновна с публикациями о своем отце

Пробыв с Мариной Антоновной у нее дома полдня, я так и не смог увериться, что этой голубоглазой природной блондинке тогда было под восемьдесят лет. Ее внешность потомственной дворянки и по матери выдерживала сравнения с лучшими обликами русских светских женщин XIX века. Антон Иванович Деникин был жгучим брюнетом с несколько закругленным носом, хотя и отличной формы. Дочь унаследовала от красавиц по материнской линии чарующий запах глаз, милый точеный нос.

– Мой нос короче папиного! – весело восклицала она, перебирая тонкими пальцами в кольцах дымящуюся сигарету, от которых Марина Антоновна не отказывается по сей день.

Начать курить Деникиной для солидности пришлось, когда в 24 года она начала работать в газетах Шарля де Голля. На посту главного редактора одной из них ей подчинялось пятнадцать журналистов-мужчин. Тогда-то Мари стала носить ненужные очки и закурила. С большим одобрением относится Марина Антоновна к русским папиросам, которые пробовала в нескольких своих поездках в Россию.

Марина Антоновнарядом с бюстом генерала А.И.Деникина

Во вкусе жизни госпожа Деникина понимает. Подали бутылку шампанского, и она, отпив вина, с гордостью заявила, что этот сорт «Брют» (см. фото внизу) они с мужем, графом Жаном Франсуа де Кьяппом уже более трех десятков лет берут из одного редкостного французского виноградника.

Мадам Деникина – известная во Франции писательница, издала по-французски с полтора десятка книг под именем Марины Грей. Это фамилия ее бывшего мужа-англичанина, какую пришлось ставить на титулах, потому что «Деникина» показалась издателям слишком длинной.

Марина Антоновна закончила исторический факультет Сорбонны, и главные ее писательские пристрастия в судьбе династии Романовых и эпохе русской революции. У нее есть трилогия романов о белой эмиграции на автобиографическом материале, действие которых начинается в России, Константинополе, происходит в Англии, Франции, вплоть до французского «старческого» дома. Интересны книги о Ледяном походе белых, о парижском похищении агентами ГПУ генерала Кутепова.

Предпоследнее исследование Марины Антоновны посвящено Григорию Распутину, а в октябре 1998 года ожидалось

поступление в парижские магазины ее последней книги – о Государе Павле I. Имеется у Деникиной и книга воспоминаний об отце, переводить и издавать которую на русском она отдала еще в начале Перестройки ловким людям в Москву. С тех пор, хотя имеет договор на руках, ничего об этом не слыхала.

В общем, лучшей собеседницы мне как биографу Белых было не сыскать. Живейший ум и отличная русская грассирующая речь Марины Антоновны сделали наш разговор кладезем для моей книги о генерале Деникине. А из окна ее многокомнатной квартиры, уставленной антикварной мебелью, виднелся Версальский замок. Королевская резиденция Людовика XIV палево-карминным орнаментом горела под тогдашним тридцатиградусным во Франции августовским светилом. В его лучах сам Король-Солнце величаво простирали руку на позеленевшем от времени коне.

Муж Марины Антоновны граф Жан Франсуа де Кьяпп – француз, корсиканец, он тоже историк, специализирующийся на эпохах Людовика XV, Людовика XVI, французской революции. У графа де Кьяппа связано с этим много книг, хотя свою последнюю он посвятил Монтеスキё. Для Жана Франсуа здешние пенаты бесценны, и они с Мариной Антоновной прожили в этом версальском доме уже тридцать три года, ровно столько, сколько берут свое шампанское с особенно-

го виноградаря. А сын Деникиной от первого брака Михаил когда-то служил парашютистом. На его свадьбе шафером был внук Петра Столыпина. В квартире, где мы сидели, бывал и сын сего знаменитого российского премьера Аркадий Петрович.

Благодаря этим фактам мне удалось вернуться к теме, затронутой нами в моем телефонном разговоре из Москвы.

– Папа недолюбливал Николая Второго, – объяснила Марина Антоновна. – Он не мог простить его поведения в дни, когда умирал после покушения Столыпин. Тогда император проводил смотр войск киевского округа, где был полк Деникина. Папа удивился, что в такое время на приеме царем старших офицеров играла легкая музыка, кажется, мазурка. Папа поклонялся Столыпину.

Я, хотя ничего подобного не встречал в описании этого киевского приема А. И. Деникиным в его мемуарах «Путь русского офицера», вежливо промолчал и спросил:

– Вы тоже не очень-то жалуете последнего русского Царя? Деникина летуче усмехнулась.

– По изученным мной материалам Романовы выглядят не особенно умными. Выдающимся был лишь Петр Великий, несмотря на все его недостатки. Замечателен еще Александр Второй как освободитель крестьян. В общем-то неплох и Александр Третий своей суровостью. А Александр Первый

и Николай Первый не производят никакого впечатления. Ну, а Николай Второй... Не предвидели, что он будет царствовать. В ином случае его отец, Александр Третий, быть может, другому бы наследника научил.

Вокруг нас, сидящих в кабинете Деникиной перед камином, кругами бродила прекрасная белая кошка. Я восхитился ее мехом совершенно белоснежного цвета. Марина Антоновна заметила:

– Я приютила эту три месяца назад, слежу за ее питанием, даю то рыбу, то мясо, то консервы. У меня было четыре кошки.

– Эту безусловно можно звать «Белая Гвардия», – сказал я.

Деникина расхохоталась и показала на одну из фотографий, стоявших в рамочках на старинном столике.

– А вон Рыжик, тот «говорил» только по-русски.

Перевел я взгляд с фото выдающегося кота на соседнее и увидел лидера Национального фронта Франции Ле Пена, широко известного и в нашей стране своими ультрапатриотическими воззрениями. Месье Ле Пен стоял в обнимку с женщиной, одетой в русский национальный костюм.

– Этот снимок сделан на русском костюмированном балу, – объяснила Марина Антоновна. – Ле Пен личный друг

моего мужа уже свыше двадцати лет. Мой муж монархист. Но я не монархистка, – она улыбнулась, – хотя мы дружим, например, и с генералом Лебедем, я встречалась с ним в Париже, – упомянула Деникина здоровствовавшего тогда крупного российского политического деятеля, выдававшего себя за рьяного патриота.

Марина Антоновна с шашкой своего отца

– Вы республиканка? – подхватил я.

– Во Франции я за республику, но для спасения современной России нужны кулаки. Чтобы взять вашу ситуацию в руки, бороться против капитала, мафии, требуется более сильный лидер, чем престарелый президент, – она имела в виду находившегося тогда у власти Ельцина, а, очевидно, предпочитала на его посту Лебеда.

Подивился я последнему заявлению от самой почти восьмидесятилетней дамы. Неприятно отдало то, что сказала эта французская графиня, жена монархиста о соотношении прекрасной Франции (которая в ее революцию повально гильотинировала свою элиту) и «не особенно умной» России. Меня вдруг снова будто осыпала слюда былого разговора с парижской дочкой поручика.

На прощание я затронул типично русский вопрос о смерти.

– Я ее не боюсь, – уверенно сказала Марина Антоновна. – Правда, я верю в Бога не так, как православные или католики. У меня своя вера. Я верю, что душа умершего входит в другое живое человеческое тело...

Она стала объяснять, что почерпнула эту уверенность из

Евангелия от Матфея, своеобразно истолковав слова Христа, сказанные Иисусом ученикам после Преображения о приходе Илии в образе Иоанна Крестителя. По этому поводу Марина Антоновна обращалась и к французскому католическому священнику, который замолчал и потом якобы подтверждающе обронил:

– Кто имеет уши, да слышит...

Все это было мутно-оккультно, и, прощаясь с Мариной Антоновной, я ее, как бы предохраняя, по-православному трижды поцеловал.

* * *

На следующий день я был в Брюсселе, но не смог разыскать там внука генерала Корнилова по телефону, данному Деникиной, близко дружащей с ним. Не было господина Лавра и в его парижской квартире, куда при нашей встрече звонила Марина Антоновна. Он в последнее время тяжело заболел, накануне моего приезда перенес сложную операцию и, наверное, уехал лечиться подальше. Вскоре после этого внук генерала Корнилова Лавр Шапрон дю Ларре скончается. Как жаль: в его брюссельской квартире был целый музей Белой Гвардии, в нем – и мундиры разных полков, чего истинный наследник своего деда был воодушевленным хранителем.

Оставалось мне, вернувшись из Бельгии в Париж, рассматривать городские достопримечательности, непременно минуя тусклый Музей эротики, благодаря предостережению хорошо знающей этот предмет парижско-русской дамы. Но меня, ставшего в Москве после императорских похорон прихожанином Русской Православной Церкви Заграницей, прежде развлечений потянуло пойти в ее парижский приход.

В Москве у нас в единственном приходе не было церковного храма, какие теперь многочисленны и роскошно просторны у Московской патриархии. Молились мы плечом к плечу на верхнем этаже в классной комнате школьного здания перед дощатым входом в алтарь. Разыскал я на окраине Парижа тоже единственный здесь приход РПЦЗ. Не был и он в храмовом здании, а в половине обычного двухэтажного дома.

Зато основал сей приход сам Чудотворец святитель Иоанн, архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский, а настоятель храма отец Вениамин Жуков являлся сыном офицера, дравшегося за Белое Дело до конца. Он ушел с генералом Врангелем за море, и был в белом войсковом лагере турецкого Галлиполи до его роспуска.

Париж, конец 1990-х. Дом (сейчас под номером 15) на углу улицы Lourmel, где жил с семьей генерал А. И. Деникин в квартирке в начале 1930-х годов. Это пятнадцатый округ Парижа, здание рядом с госпиталем Бусико, от которого минут десять идти до набережной Сены. Вблизи также длинная улица Вожирар

Я словно вдохнул тесный сумрак этой церкви, столь привычный мне и в Москве. Знакомые мне дочь поручика и Марина Антоновна Деникина никогда не ходили сюда. Их приходами были великолепные архитектурой храмы, отторгнутые от РПЦЗ митрополитом Евлогием: пятиглавая церковь Александра Невского на улице Дарю и Сергиевское подворье, где Богословский институт. Дочка поручика отметила, что отпевали на улице Дарю и Окуджаву, который, о чем она не подозревала, был атеистом.

Так случилось со всем, что оказалось под рукой митрополита Евлогия. В двадцатых годах церковные либералы, обновленцы «парижской школы» во главе со священником Сергием Булгаковым создали «братство Святой Софии, Премудрости Божией», больше напоминавшим тайный орден. Приблизительно за сорок лет епархия владыки Евлогия семь раз меняла свой юрисдикционный статус. Например, в 1944 году этот иерарх в очередной раз перешел из юрисдикции Константинопольского патриархата в Московский, приняв

советский паспорт.

Раскалывалась белая эмиграция, что началось еще во времена Гражданской войны. Белые монархисты спорили с однопольчанами, приверженными либерализму, феврализму, республиканству, даже – социалистическим воззрениям. В немалом из-за этого явился и конфликт смены главнокомандования либерального Деникина на монархического Врангеля. РПЦЗ, в основании которой участвовали врангелевцы, была обречена выстаивать против Западно-Европейской епархии митрополита Евлогия.

Мы стояли с седым отцом Вениамином у неярко горящей лампочки за конторкой в пустом после окончания вечерни храме. Он, хорошей выправки, рассказывал, как выживали на чужбине галлиполийцы и их дети. Вспоминал, что белые камни для памятника павшим и умершим в изгнании бойцам в греко-турецком городе Галлиполи («Голое поле») живые издалека носили на своих руках. В 1949 году его разрушило очередное там землетрясение, но на русском кладбище Сент-Женевьев-дю-Буа под Парижем стоит уменьшенная копия Галлиполийского памятника.

– Мой отец был Алексеевского полка, галлиполийцем, и я как его сын имею право носить Галлиполийский крест, – сказал он, сверкнув глазами.

Батюшка помолчал и добавил:

– Обязательно поезжайте на Сент-Женевьев-дю-Буа. Там – уцелевшая Белая Гвардия. Вся там лежит...

Дрожали в полумраке огоньки свечек, вилось пламя лампад в этом храме, где около входа в алтарь стоит посох святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского, а на втором этаже – покои святого, где он всегда почивал в кресле, так как в аскезе никогда не ложился. Я подумал, что и мы, старый парижанин и пожилой москвич, сын и племянник долго не погибавших белых, возможно, скоро тоже умрем. И мне легко и драгоценно было это сознавать рядом с сыном алексеевца Жукова.

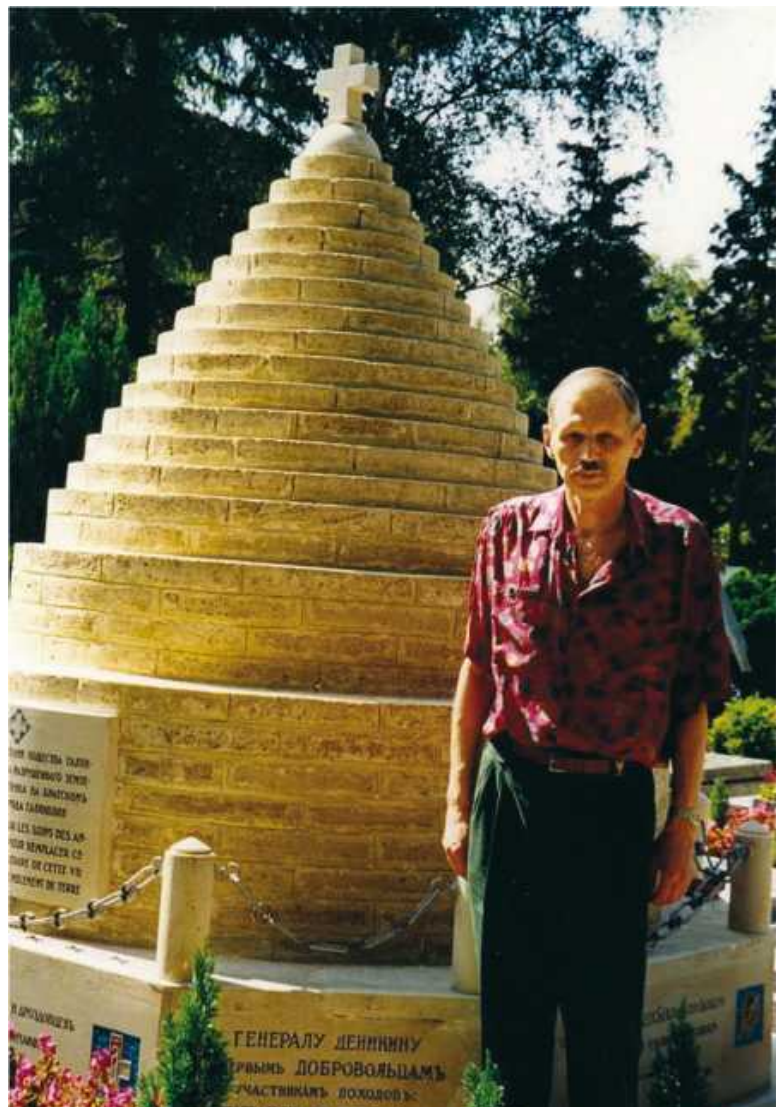
* * *

Русское кладбище под Парижем в Сент-Женевьев-дю-Буа встретило меня прекрасной церковью Успения Богородицы, выстроенной в духе псковско-новгородского зодчества XV–XVI веков по проекту архитектора А. А. Бенуа. В ее крипте захоронен митрополит Евлогий.

Храм был закрыт, пусто на церковном дворе. Я пошел к живым камням памятников Белым воинам.

Этот день опять был очень жарким. На кладбище по-французски мало деревьев, под кронами которых так хоро-

шо посидеть на могилах российской земли. Никого не было видно далеко вокруг, лишь француз-служитель в аккуратных перчатках вез куда-то тачку с песком между восьмиугольными православными крестами, плитами, обихоженными по европейскому классу.

Кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, конец 1990-х. Внизу надпись на памятнике Белой Гвардии: «ГЕНЕРАЛУ ДЕНИКИНУ, первымъ ДОБРОВОЛЬЦАМЪ и участникамъ походовъ: КУБАНСКАГО, СТЕПНОГО И ЯССЫ-ДОНЬ»

Я дошел к бело сверкающему под солнцем Галлиполийскому памятнику Белой Гвардии. Он – в форме круглого ступенчатого некрополя с каменным куполом под крестом. На его основании плиты, гласящие: «ГЕНЕРАЛУ ЛАВРУ ГЕОРПЕВИЧУ КОРНИЛОВУ И ВСЕМЪ КОРНИЛОВЦАМЪ, павшимъ за РОДИНУ и на чужбине скончавшимся», «ГЕНЕРАЛУ ДЕНИКИНУ, первымъ ДОБРОВОЛЬЦАМЪ и участникамъ походовъ: КУБАНСКАГО, СТЕПНОГО И ЯССЫ-ДОНЬ», «ГЕНЕРАЛУ ВРАНГЕЛЮ, ЧИНАМЪ КОННИЦЫ и КОННОЙ АРТИЛЛЕРИИ, за ЧЕСТЬ РОДИНЫ павшимъ», «АДМИРАЛУ КОЛЧАКУ и всемъ МОРЯКАМЪ РОССИЙСКИМЪ».

Памятник, словно последний пулеметный дзот, кряжисто упирался среди лежащих окрест надгробий с именами офицеров – будто расстрелянными пулеметными лентами.

Дальше был памятник кадетам, где на плитах вокруг цветными погончиками значились училища, за честь которых дрались упокоившиеся во французской земле. Имелся непо-

далеку и громадный мраморный крест казакам. Но я вернулся к белому гвардейскому памятнику, отыскав вблизи его редкую здесь скамейку.

Сел, достал французский кусок хлеба с сыром и, перекрестившись, стал его с кока-колой есть, поминая гранитно запечатленные имена. Вина мне нельзя было пить, слишком много я его выпил в советский период истории России, до слез, несбыточно мечтая о таком помине на Сент-Женевьев-дю-Буа.

Кладбище жег острый французский зной, а я словно изнурился в заваленных снегом донских, кубанских степях 1918 года...

Четыре тысячи офицеров, солдат, юнкеров, гимназистов, сестричек милосердия идут в легендарном белом Ледяном походе. Бесконечны, кровавы зимние ночи и дни. Мало патронов, но нужно брать очередные станицы. Добровольцам не до промозглой стужи – пробиться бы следующей штыковой, в которые все из этих золотопогонных рядов ходят в полный рост. Тон задают знаменитые офицеры.

Впереди шагает худой, маленький бывший Верховный Главнокомандующий Русской армии Корнилов, внука которого не дал Бог счастья мне увидеть, но я рад был и встрече с

дочкой поручика-корниловца, пусть она меня и раздражила. Генерала убьют в предстоящих боях за Екатеринодар, который в первый раз так и не возьмут рыцари тернового венца. До штурма красного Екатеринодара сему ядру Белой Гвардии еще надо добираться в сплошных боях, переходя вброд студеные реки, за что и назовут это «первопоходничество» Ледяным.

Вот седуусый другой бывший Верховный Главнокомандующий Русской армии Алексеев. Он умрет осенью этого года во взятом со второго раза Екатеринодаре, понимая, что черно послужил России генералом-адъютантом Его Императорского Величества, склонив того к отречению от Престола. Но в белом полку имени Алексеева будет доблестно драться отец батюшки Вениамина.

Здесь и бывший начальник штаба Западного, Юго-Западного фронтов в Первой мировой войне Марков. Он станет любимцем добровольцев за свой беспримерный героизм даже среди этих храбрецов. Генерала убьют летом в самом начале Второго Кубанского похода.

Марширует в редких рядах бывший командир Его Императорского Величества Лейб-Гвардии Преображенского полка Кутепов. И со своей неторопливой ухваткой идет, вскинув карабин на плечо в дырявых сапогах бывший на-

чальник штаба Верховного Главнокомандующего Русской Императорской армией Антон Иванович Деникин...

Я счастлив, что в свой первый приезд в Версаль откупоривал и наливал шампанское дочери этого генерала. Если от всего русского сердца сказать, не очень важно, чем напоминают и не напоминают красавицы дочки своих «мемориальных» отцов. Главное, они тогда были живы, и неподдельным наследником белого воина остался в душе батюшка Вениамин.

* * *

Когда мой «Генерал Деникин» вышел в 1999 году, я получил от Марины Антоновны письмо, соль которого была в следующих строках:

«Конечно, я не совсем согласна со всеми Вашими выводами, но нахожу, что биография объективна, и Вы очень хорошо объясняете всю эту эпоху, и рисуете хорошие портреты всех акторов».

«Акторы» – что-то вроде действующих лиц. Ценна мне была высокая оценка такого профессионального историка и биографа. А упомянутые Мариной Антоновной мои «выводы» касались того, что генерал Деникин был либералом, февралистом, неприязненно относился к Государю Николаю Второму, которого теперь прославила за рубежом и в России

Русская Православная Церковь святым, и я преклоняюсь перед нашим последним Царем как монархист.

Дальнейший мой путь в «деникинский» Версаль пролегал через Краснодар – Екатеринодар, куда я приехал летом 2000 года в гости к писателю В. И. Лихоносову.

Специально мы с Виктором Ивановичем отправились фотографировать от него неподалеку дом на Соборной, где родилась и жила до годика маленькой – маленькой девочкой «подпарижская» графиня Деникина, дочь славного «екатеринодарского» генерала. Я смотрел на запруженные зеленью и людом улицу, ее окрестности, слушал окружающую тягучую южно-русскую речь, переводя взгляд на изумительный модерн фасада бывшей резиденции главкома Деникина, и вспоминал, как однажды мы вот так же стояли около моего московского дома с Лихоносовым. Дело в том, что в моем дворе был особняк, где когда-то родился великий Пушкин. И Лихоносов, похожий на того кольцами волос, стремительностью жеста, великорусской своей тоской по человеческой породе, вдруг сказал:

– А ты знаешь, Пушкин здесь, – он, подобно мне на «деникинской» улице, «мистически» оглядывался в «пушкинском» дворе. – Исчезает временной провал...

Щелкая напротив бывшего дома Фотиади затвором фотоаппарата, я ловил и схватывал в душе, как осторожно существовала по этим узеньким тротуарам Ксения Васильевна Деникина с большущим животом, где притаилась малюсенькая Марина. Как потом «генеральша» семенила в екатерининских круговертях скверов и улочек с младенцем в колясочке. И чего только не происходило за голубыми стенами теперь превратившегося в театр дома? Там был великолепное действо семейных покоев, где робеющий перед молодой женой «царь Антон» брал на руки дочку, словно последний патрон «на вес жизни». И что же мог думать о будущем этого голубоглазого комочка отец, чьи полки взрослых мужчин, самых храбрых русских офицеров истекали кровью в недалеких степях, откуда ветер дул вон через ту форточку...

Эту фотографию дома ее рождения я показывал Марине Антоновне в версальской квартире в то же 2000-тысячное лето по Рождеству Христову в августе. На этот раз мы говорили с ней о самом простом, близком или тревожном сердцу. Она по-прежнему курила, подала любимое шампанское с «семейного» виноградника, хотя недавно сломала бедро и долго была в гипсе. Дочь Деникина, родившаяся под гулкую канонаду русских пушек, привычно не унывала, хотя вот и невестка ее не так давно внезапно умерла от рака, и теперь уж не так уютно было у сына в Аркашоне.

– Отчего же вы не взяли фамилию мужа де Кьяпп, так и не став полноправной графиней? – спросил я на этот раз.

– Я считаю, что быть дочерью такого русского генерала, как мой отец, важнее, чем французской графиней, – отвечала она с неколебимой деникинской искрой в глазах, а ведь ей уже был 81 год.

Конечно, тут и целая школа «неувядаемости». Ведь после Второй мировой войны Мари Деникина была популярной ведущей телепередачи французского телевидения по розыску пропавших, потерявших друг друга в военные годы типа нашей «Жди меня».

В ноябре 2002 года по каналу Российского телевидения Марину Антоновну снова показали почти на час в документальном сериале «Русский век». Она с обычной живостью беседовала в своих «антикварных» версальских стенах. Потом продолжала рассказ под липами, ведущими к Версальскому дворцу, и ветерок ласково бил по ее стройной фигурке, легко вышагивавшей, будто не стукнуло Мари уже 83 года...

В 2001 году, с разрешения Марины Антоновны, мне пришлось открыть тайну Марины и ее матери в разгромной рецензии в *Ex Libris* «Независимой газеты» под названием «Кривые зеркала Белого движения» о романах В. Поволяева

«Колчак. Верховный правитель» и А. Марченко «Деникин. За Россию – до конца». Вот что я там сообщил:

«Об адмирале Колчаке написал известный советский писатель В. Поволяев, о генерале Деникине – тоже бывлой романист и главный редактор журнала «Пограничник» А. Марченко. Казалось, такое только бы приветствовать – личностями белых полководцев на Родине занимаются уже не идеологи, историки, а прозаики. Увы, обречены заслуженные в СССР литераторы их пресловутым «внутренним цензором»! Хотят – не хотят, а перо надсаживает «беляков» в изверги, душегубы. Новую серию издательства АСТ правильнее назвать: «Белое движение советскими глазами»...

Марченко, видимо, как бывший глава «Пограничника», органа воинских частей, подчинявшихся КГБ СССР, сделал свой роман о Деникине со шпионской интригой. Бывший поручик Бекасов, агент ЧК, оказавшись по ее заданию в белом окружении главкома Деникина, предает начальников с Лубянки, выказывает преданность генералу и в эмиграции, до самой кончины в 1947 году, чтобы потом немедленно обратиться в советское посольство, раскаяться и попроситься домой.

Рисунок жизни этого перевертыша очень совпадает с изложенной мною в биографии Антона Ивановича (В.Черкасов-Георгиевский. Генерал Деникин. Смоленск, Русич,

1999) версией судьбы полковника Колтышева со слов дочери белого главкома Марины Антоновны Деникиной, с которой я встречался во Франции. В 1998 году она утверждала, что Колтышев, служивший в ближайшем окружении ее отца во ВСЮР и оставшийся его самым преданным помощником во Франции, был советским агентом, как подозревал сам генерал.

Полную же правду об этом человеке Деникина сказала мне только в 2000 году, после выхода моего «Генерала Деникина», когда объяснила истинную причину к нему своей неприязни. Колтышев, оказывается, сначала за спиной Антона Ивановича приставал к его жене, а потом и к дочери Марине, еще девочке. То есть Деникину лишь привиделся шпион в этом молодчике, а его глубоко оскорбленная дочь уже безапелляционно произвела Колтышева в чекисты из-за присущей ему аморальности. Однако, во всяком случае, полковник Колтышев перед советскими никогда не каялся, а умер во французской богадельне в 1988 году 94-летним стариком и непоколебимым белогвардейцем.

Таким образом, списывал или не списывал Марченко с «моего» Колтышева (а в романе есть прямые заимствования из моей книги), но Бекасов, от имени которой написана половина романа, – «всесторонне» надуманная фигура. Его образ в марченковском исполнении немислим сво-

им хамелеонством. Императорский поручик становится чекистом, вскоре преобразуется в рьяного деникинца, а в итоге превращается в «советского белогвардейца»...

«Колтышевская» история снова всплыла в 2002 г., когда Марина Антоновна по ТВ в «Русском веке» сослалась на уверение ее самозванного племянника В. И. Деникина (в прошлом – Горшкова), будто бы полковник Колтышев все-таки был завербован чекистами. Однако сам источник данной информации – подполковник, заместитель полномочного представителя президента РФ в Центральном Федеральном округе Деникин-Горшков, сын СМЕРШиста и племянник работника КГБ, ею за родственника не признавался. Очевидно, окончательное разрешение «колтышевского» вопроса явится лишь с официальным заявлением по этому поводу Центрального архива КГБ – ФСБ.

В 2002 году в московском издательстве «Вагриус» вышел составленный мною однотомник избранных произведений А. И. Деникина под названием «Путь русского офицера». Я собрал в него сокращенные главы из шести мемуарных томов генерала с одноименными воспоминаниями и «Очерками Русской Смуты», написав вступительную статью. Дорого, что на одном из фотоснимков сборника есть изображение Марины Антоновны, сделанное мною в 2000 г. в Версале, который рядом с Парижем. На нем она держит в руке

как раз то фото ее дома рождения в Екатеринодаре, которое мы отсняли вместе с В. И. Лихоносовым. Вот и таким способом «побратался» большой Париже екатеринодарским маленьким Парижем, запечатленным этак в лихо-носовском романе.

Получив посланную мной «вагриусовскую» мемуарную книгу отца, Марина Антоновна ответила мне в сентябре 2002 г. письмом, где были такие слова:

«Большое спасибо за посылку «Пути Русского Офицера». Хорошее издание, хорошие иллюстрации. Ваше же предисловие мне очень понравилось и сильно тронуло...

Сердечно Ваша Марина Деникина».

Ничего знаменательнее и драгоценнее такой подписи такого лица в моей судьбе биографа Белых нет, да, очевидно, и быть не может.

Часть первая (1872–1892 г.г.)

Сын офицера

Родители. Во Влоцлавске. Реалист. "Пифагор". Старший. В юнкерах. Погоны.

Судьба человека – от Бога, а происхождение и детство каждого из нас во многом определяют его дальнейшую жизнь. Отцом будущего главнокомандующего Белой армии генерала А. И. Деникина был русский офицер Иван Ефимович Деникин, мамой – полька, швея Елизавета Францисковна Вржесинская.

Деникин-старший родился в 1807 году в деревне Ореховке Саратовской губернии в крепостной семье. Она рано распалась. Родители Ивана Деникина умерли в его молодые годы, вскоре отправились на заработки брат и сестра. Иван же остался крестьянствовать, и в двадцать семь лет помещик сдал Деникина в рекруты.

Это был «золотой век» русской государственности (вторая половина XVIII— первая половина XIX столетий), правил император Николай I. В детстве царя главным надзирателем за воспитанием был генерал М. И. Ламсдорф, и в основном образование Николая Павловича упрочилось на военных науках. До восшествия в монархи он не участвовал в

государственных делах, командуя гвардейской дивизией, исполняя обязанности генерал-инспектора по инженерной части.

При вступлении императора на престол произошло восстание декабристов, и упрямый воински жесткий государь взялся за укрепление власти. В семейном же кругу Николай I был весьма добродушным человеком, лишь на людях демонстрируя строгость. Как бы то ни было, а в горячо любимой императором армии спуску служивым не полагалось.

Служить солдату надлежало 25 лет при суровой дисциплине. Либерально настроенные современники называли государя Николаем Палкиным и потому, что тогда солдат наказывали прогоном сквозь строй, иногда забивая провинившихся ружейными шомполами до смерти. Рассказывал об этом Иван Ефимович маленькому Антону всегда без злобы и осуждения, обязательно заканчивая:

– Строго было в наше время, не то что нынче!

Иван Деникин знал, что говорил. Двадцать два года он был под ружьем, наконец выслужившись в фельдфебели. Это по продолжительности – совершенно исключительный марафон в муштре, поту и крови боевых походов. Немногие выдерживали такие сроки.

Удалось Ивану Ефимовичу при очередном полковом марше отыскать в одном русском городишке своего брата. Деникин узнал, что у того званый обед, и радостно, сюрпризно шагнул к нему на богатую квартиру. Брат раньше его вышел в

люди... Но перед Иваном появилась лишь братова жена. Она вынесла солдату столовый прибор на кухню, не пригласила в покои... Деникин ушел, не простившись.

Отец Антона Деникина Иван Ефимович Деникин

(1807–1885)

После этого он никогда с братом не встречался. Иван Ефимович даже представлять себе не хотел, что такое компромисс. На таком отцовском оселке правился и характер Деникина-младшего.

В 1856 году фельдфебеля Деникина, доблестно показавшего себя в Венгерском боевом походе и Крымской войне, допустили экзаменоваться на офицера. Еще до военной службы Иван был грамотен, а с опытом и знаниями более чем двух десятков лет службы экзамен успешно выдержал, его произвели в прапорщики. Это был грандиозный поворот в судьбе 49-летнего Ивана Ефимовича. Даже самый младший офицерский чин обеспечивал получение личного дворянства.

Как и во всей Европе, в России со становления офицерского корпуса «иноземного строя» в XVII веке «дворяне шпаги» даже формально пользовались некоторыми преимуществами перед «дворянами мантии», вошедшими в высшее сословие по заслугам на гражданской службе. Долгое время и потом «боевые» дворяне отказывались признавать этих братьев по сословию равными себе. А уж потомственные дворяне-офицеры, наследники воинских династий, поголовно «произвели» штатских в «шпаков», «штафирок».

Один из таких потомков, чьи предки служили еще «из чести», покрывая свои офицерские расходы из собственного

кармана, уже во второй половине XIX века писал: «Никогда не следует забывать, что не только деды, но и отцы и дяди наши – все сплошь почти были армейские и гвардейские отставные поручики и штаб-ротмистры».

Бывший фельдфебель, представитель низшего командного звена: унтер-офицерского, – Иван Деникин, перейдя в среднее: благородное, обер-офицерское, – стал весьма ответственным лицом в основном, ротном подразделении армии. Прочность роты стояла на трех начальных офицерских чинах, как писалось еще в «Учении и хитрости ратного строения пехотных людей»: «Та рота гораздо устроена, когда капитан печется о своих солдатах, а поручик мудр и разумен, а прапорщик весел и смел». Его благородие прапорщик должен был нести ротное знамя, «печаловаться» о солдатах и им «смелства наговаривать» – поднимать боевой дух. Слово «прапорщик» происходит от старославянского «прапор» – знамя.

Офицерство Деникин получил через год после восшествия на престол императора Александра II, прозванного Освободителем за избавление крестьян от крепостной зависимости в 1861 году. В 1863 году он отменил телесные наказания и клеймение преступников, открыл народные школы, женские гимназии, университеты в Одессе и Варшаве. И, как ни странно, в это время запылало самое яркое Польское восстание, продлившееся до 1864 года.

В преддверии восстания 55-летний Деникин командо-

вал отрядом Александровской бригады пограничной стражи. Его подразделение прикрывало на польской стороне Российской империи прусскую границу около уездного городка Пстрокова. Однажды ночью отрядному на кордон донесли, что в имении неподалеку идет съезд польских' заговорщиков.

Деникин дружил с хозяином этого имения и хорошо знал подходы к господскому дому. Он ринулся туда со взводом пограничников.

Вокруг особняка Деникин рассредоточил солдат. Кратко приказал:

– Если через полчаса не вернусь, атаковать дом!

Один пошел прямо в парадный вход. Прошагал в главный зал. Сидевшие там за длинным столом разом вскочили... Многие отлично знали командира пограничников. Несколько человек, выхватывая оружие, бросились к нему. Бледный хозяин, нередко выпивавший с офицером под звуки мазурки, попробовал остановить их...

Деникин размеренно произнес:

– Зачем вы тут – я знаю... Но я солдат, а не доносчик. Вот когда придется драться с вами, не взыщите. А сейчас одно скажу: затеяли вы глупое дело. Никогда вам не справиться с русской силой. Лишь погубите зря много народу... Одумайтесь.

Он вышел. Собрал пограничников и ускакал на заставу. Когда польские повстанцы начали бои, Деникин бился с

ними, как и обещал, за что получил чин и орден. Его сотня смерчем носилась по приграничью, рубясь с отрядами Мило-славского, Юнга, Рачковского... Однажды, увлекшись преследованием, залетели в прусский городок, из-за чего едва не началась уж дипломатическая баталия.

На русских партизански наваливались конники-«косиньеры», вооруженные косами. Своим оружием они виртуозно действовали и в пешем строю. В одной рукопашной косиньер поразил Деникина глубокой раной в руку, но тот не посчитал ее серьезной и никогда не заносил в свой служебный формуляр. Как-то косиньеры чуть не застали деникинцев в бане. Но пограничники, кто натянув лишь штаны, кто голым, успели выскочить, хватая шашки и винтовки. Бросились к коням и бешено понеслись вперед.

Их седовласый прямоносый усатый командир в бою глазом не вел под разлетом густых бровей, но менялся, когда смолкали выстрелы. Крутой, горячий Иван Ефимович был добряком. Особенно он переживал за пленных, среди которых сплошь и рядом была гимназическая, студенческая молодежь. Прямой начальник Деникина неумолимый майор Шварц приказывал без разбора гнать пленных повстанцев под конвой, обрекая их на беспощадное будущее. Деникин всегда рисковал, распоряжаясь для формы:

– Всыпать мальчишкам по десятку розог.

Потом отпускал их при молчаливом одобрении сотни, из которой о таком никто не донес.

Семилетний Антон увидит, как помнится добро. Раз они с отцом в поездке остановятся зимой в придорожной корчме. В углу за столом сидел высокий плотный человек в медвежьей шубе. Он долго поглядывал в их сторону и вдруг вскочил и бросился к отцу, стал его обнимать. Этот поляк был из «мальчишек», скрывшихся по воле Ивана Ефимовича.

В 1869 году Деникин-старший вышел в отставку в чине майора, что в старорусском строе соответствовало «полковому сторожеставцу». Это был первый из старших, штаб-офицерских рангов, за которым шли подполковник («большой полковой поручик»), полковник. Спустя два года в возрасте шестидесяти четырех лет вдовец Иван Ефимович, первая жена которого задолго до этого умерла, женился на 26-летней польке Елизавете Вржесинской.

Матъ Антона Деникина Елизавета Фёдоровна (Фран-

цисковна) Вржесинская (1843–1916)

Елизавета происходила из мелких землевладельцев города Стрельно, попавшего под прусскую оккупацию. Там она родилась и росла в обедневшей семье. Чтобы заработать себе и старику отцу на жизнь шитьем, молодая Вржесинская перебралась в Петроков, который защищали пограничники Деникина. Еще во время его службы состоялось их знакомство.

Жена майора-отставника была не шляхетских кровей, но с глубочайшим чувством национального достоинства и католицизма. Она предпочитала говорить только по-польски, сохранив это со своей горничной-полькой и потом, живя на русской территории империи до своей кончины в 1916 году.

Молодая Елизавета Деникина явилась впечатляющим украшением лысеющего ветерана Ивана Ефимовича, еще и отрастившего седую как лунь раздвоенную бороду, нависающую до половины плечей и почти до колодок ордена и медалей, которые он надевал в торжества. Супруга была элегантной польской пани, любящей высокие кружевные воротнички и атласные банты на строгих платьях. Рисунок ее привлекательного лица, в особенности красиво вырезанных ноздрей плавного носа, перешел к Антону Деникину.

Антон родился 4 декабря (отсюда до февраля 1918 г. – старым стиль) 1872 года в Варшавской губернии, в пригороде города Влоцлавска за Вислой – деревня Шпеталь Дольный. Штаб бригады отца был в городе, после его отставки семья из-за нужды осела неподалеку в предместье. Только здесь на пенсию Деникина-старшего могли разместиться и существовать майор с женой и родившимся сыном, тестем и нянькой Аполонией, прозываемой Пол осей.

В первый год жизни Антона по случаю семейного праздника, по старинному поверью родители решили погадать на его судьбу. Разложили на подносе крест, детскую саблю, книгу и поставили рюмку. Предметы обозначали духовную будущность, карьеры воинскую и книжную, а также столь расхожее на Руси пристрастие.

Принесли малыша. Антон сразу потянулся к сабле, потом поиграл рюмкой. Ни до чего больше не стал дотрагиваться. Иван Ефимович обреченно подумал:

«Плохо дело – будет рубакой и пьяницей».

Никак не сбылось «рюмочное» будущее Деникина-младшего, он и пьян-то был всего раз в своей жизни: в день офицерского производства.

Когда подошло время идти Антону в школу, семья переехала жить во Влоцлавск. Как чувствовал себя мальчуган

ном будущий знаменитый генерал? Об этом хорошо написал Н. Д. Бутковский как раз в конце XIX века в своих «Очерках современного офицерства»:

«Что такое сын офицера? В большинстве это человек, который с детских пеленок проникается оригинальной прелестью военной жизни. В младенческом возрасте он уже бывает счастлив, когда ему импровизируют военный мундир. Едва он начинает лепетать, как уже учат его военной молитве за Царя, и образ Государя, столь обаятельный в военном мире, чудно рисуется в его детском воображении. Он засыпает под звуки военной зари и далеко уносится в своих мечтах в область героизма, слушая солдатские песни, исполненные военной поэзии. Учения, маневры, стрельбы, стройные линии солдат, военная музыка, знамя, окруженное своими защитниками, – все это становится ему близким, родным, он тоскует по этой обстановке, если отрывается от нес, и его совсем не тянет в какой-нибудь иной мир; он мечтает о кадетском корпусе. Там он получает удовлетворение, чувствует себя как бы на службе и привыкает гордиться этим».

Антон во Влоцлавске немедленно протоптал дорожку на местные военные стоянки. Он часами пропадал в гимнастическом городке 1-го Стрелкового батальона. С литовскими уланами ездил на водопой и купанье коней, стрелял в тире пограничников. За три версты отправлялся на стрельбище стрелковых рот. Вместе со счетчиками пробоев мальчишка пробирался в укрытие под мишенями, где пули свистели над

головой. Он шел обратно вместе со строем, подтягивая:

*Греми слава трубой,
За Дунаем, за рекой...*

У солдат, бывших его приятелями, Антон за деньги, вырученные от продажи старых тетрадок, покупал боевые патроны. Сам их разряжал, а порохом палил из старинного отцовского пистолета, взрывал фугасы.

В доме на Пекарской улице, где жили Деникины, отчаянно пребывало двое корнетов уланского полка. Когда они лихо не уносились в седлах на ученье, из их окон гремела канонада гитарных струн, песен и гвалта. Иногда корнет Павел фон Ренненкампф появлялся на покато́м подоконнике своего третьего этажа, выделявая штуку из офицерских развлечений, запечатленную Л. Толстым в «Войне и мире».

Корнет с полным бокалом вина садился на подоконник, опуская ноги на улицу. Ни за что не держась свободной рукой, он попивал и бурно приветствовал знакомых, проходящих внизу... Через четверть века удалой корнет станет генералом, прославленным в японскую войну, а Деникин – его боевым начальником штаба...

Что ж молодая уланская «слава трубой»? Пятилетний Антон видел, что произошло при первом звуке боевой трубы с его отцом, которому тогда шел семидесятый год. Началась русско-турецкая война, и Иван Ефимович внезапно за-

мкнулся. Он не находил себе места, угрюмо за молчал. Близкие не знали, что и подумать, а старый майор втайне от всех подал прошение: вновь принять его на действительную службу! Он нетерпеливо ждал ответа.

Приказ пришел: майору Деникину отправиться в крепость Новогеоргиевск для формирования запасного батальона, с которым надлежит отправиться на театр войны...

– Боже мой, куда тебе, старику? – закричала не очень сдержанная мать. – Как ты мог, Ефимыч, сделать это, ни слова не сказав?

Все плакали, кроме майора. Глотал слезы Антон, но больше от горячей гордости: «Папа мой идет на войну». И все же счастье, что из-за окончания войны Иван Ефимович не успел отъехать.

Деникин-старший был, так сказать, до мозга и беззаветности военной косточки. Ведь он прослужил 35 лет: 22 года в солдатах, унтерах и 13 лет офицером.

Его 36-рублевой пенсии на многое не хватало, но майор протестовал против покупки ему и самой дешевой штатской одежды, потому что она его тяготила. Он заносил свое старое обмундирование, а на новое средств не было. Но майор все равно никогда не расставался с вылинявшей военной фуражкой. В сундуке он сберегал свой последний более или менее приличный мундир и армейские брюки. Лишь в дни великих праздников и торжеств доставал и Аккуратно надевал эту форму, бережно пересыпанную от моли нюхатель-

ным табаком. Он говорил, любуясь ею:

– На предмет непостыдная кончины, чтобы хоть в землю лечь солдатом.

Антон Деникин стал учеником городской начальной школы. Ему не припало осуществить мечту сыновей офицеров – попасть в кадетское училище, потому что туда принимали, кроме «своекоштных», в основном детей неимущих и умерших офицеров и дворян. Его же отец был «крайне» малоимущим, хотя не признался бы в этом и под пытками.

Однажды первоклассник, семилетний Антон в своем за трапезном пальтице играл на улице с ребятами. Подошел его великовозрастный приятель-гимназист и стал Антона под дружески подкидывать. Проходящий мимо инспектор реального училища брезгливо скривил губы, заметив гимназисту:

– Как вам не стыдно возиться с уличными мальчишками.

Хлестнуло горькой обидой Антона, в слезах он прибежал домой.

Иван Ефимович схватил фуражку и выскочил на улицу. Он разделал инспектора, не жалея крепких слов. Потом отец долго не утихомиривался, повторяя:

– Ах он, сукин сын! Гувернантки, видите ли, у нас нет.

Иван Деникин не выслужил потомственного дворянства, что обеспечивал только чин полковника, и Антон относился к некоему особому сословию «штаб-офицерских детей». Эта и своя собственная «промежуточность» во многом томила Деникина-старшего.

Они имели убогую квартирку во дворе Пекарской улицы. В одной комнате принимали гостей, обедали, работали, в другой родители спали вместе с Антоном. На кухне ночевала Полося, ставшая потом из прислуги членом семьи на многие годы; в чуланчике спал отец Елизаветы Федоровны, как ее польское отчество стали на русский манер называть.

Всегда до получения пенсии приходилось занимать 5—10 рублей. На этот подвиг Иван Ефимович ежемесячно собирался с духом дня два. Но происходил ежегодный праздник, когда из корпуса погранстражи сваливалось его отставнику пособие в 100—150 рублей. Елизавета Федоровна могла «перефасонить» ее неброский наряд. Чтобы внести свой вклад в семью, она дни напролет портила глаза над мелким вышиванием, но получала гроши. Возможно, из-за этого у нее развилась тяжелая мигрень с конвульсиями.

Кремень и добряк Деникин во многом раздражал жену. В день получения пенсии он умудрялся из последнего раздавать заведомо без отдачи еще большим беднякам.

— Что ж это такое, Ефимыч? Ведь нам самим нечего есть! — восклицала она.

Майор всем рубил свою точку зрения до такой степени, что оппоненты переставали с ним при встрече раскланиваться. Жена гневалась:

— Ну кому нужна твоя правда? Ведь с людьми живем! Зачем заводить врагов?

Только перед супругой Деникин отмалчивался. Он аске-

тически применял это оружие.

Однажды она упрекнула:

– В этом месяце и до его половины не дотянем. А твой табак сколько стоит?

Майор бросил курить в этот же день. В следующие он посерел, исчез аппетит, Ефимыч похудел и замогильно замолк. К концу недели жена и сын стали его просить снова закурить, но старый солдат еще день стоял в своем окопе.

Елизавета Федоровна часто жаловалась на судьбу, майор Деникин – никогда. Он жил с православным самоотвержением, будто перед последней атакой. Антон всегда был на стороне отца, так же понимая их нужду естественным промыслом Божиим.

Конечно, неприятно Антону было, когда рассматривали его мундирчик, выкроенный из старого отцовского сюртука. Карандаши у него ломались, были не «фаберовские», как у других. Нельзя купаться в красивой купальне на Висле, вход туда стоил целых три копейки. А зимой Антон мечтал о коньках. Но он твердо знал: выйду в офицеры – будет шикарный мундир, и не то что коньки – верховая лошадь!

* * *

До девяти лет Антон учился в двух классах начальной школы. Городок вокруг, насчитывающий тысяч двадцать населения, около половины которого составляли местечковые

евреи, жил тишайше. Никакие общественные ураганы и бурные культурные начинания ему не грозили. Во Влоцлавске даже не было городской библиотеки, и газеты выписывали немногие. Правда, имелся театр, в котором иногда выступали заезжие труппы.

Значительным происшествием явилась поимка «социалиста». В течение нескольких дней двое жандармов на допросы к начальству из кутузки по улицам его водили, как и слона, всякий раз их конвоировала толпа мальчишек. Сильный эффект вызвало также, что провалился потолок в доме богатого купца, придавив хозяина. Полгорода, включая и незнакомых, ходило навещать больного, посмотреть на тот потолок, в том числе Антон Деникин. Повезло и его Пекарской улице. Директор находящегося на ней банка, захватив крупные суммы, сбежал за границу. Тут несколько дней нельзя было пройти из-за нахлынувших влоцлавчан.

Неподдельно ярким событием в это время стал проезд и остановка на вокзале государя императора. Александр II через Александр-пограничный возвращался из-за рубежа. Царский поезд должен был остановиться во Влоцлавске на десять минут. Встретить государя городское начальство пригласило лишь нескольких выдающихся жителей. Среди них – И. Е. Деникина.

Майор решил взять на высочайшую встречу сына. Антон, по отцову примеру, мистически поклонявшийся монарху, был вне себя от счастья. Мать, не вставая из-за машинки

день и ночь, сшила ему плисовые штаны и шелковую рубашку. Отец до огненного сияния выдраил орлы на пуговицах своего парадного мундира.

На вокзале Антон увидел, что тут он – единственный из детей... Сердце его почти замерло.

Подошел поезд государя, плавно остановился. Усатый, с красивыми бакенбардами – белый крест офицерского Георгия на груди, – император подошел к открытому окну вагона, стал приветливо беседовать со встречавшими. Майор Деникин застыл с поднятой к козырьку рукой. Антон, затаив дыхание, не отрывал взгляда от государя...

Когда царский поезд отошел, один из господ на перроне осведомился у Деникина-старшего:

– Что это, Иван Ефимович, сынишка ваш непочтителен к государю? Так шапки и не снимал.

Майор ошеломился, заполыхал ярче своих мундирных пуговиц. Антон будто б грянул оземь с ангельских крыл, такое чувство несчастья он ощутил впервые в жизни. А главное, придется помалкивать перед ребятами: узнают, что от восторга шапку забыл снять, жестоко засмеют.

Вскоре убили императора. Студент-поляк Гриневицкий бросил в Петербурге в его карету бомбу... Православные церкви Влоцлавска были переполнены молящимися. В доме, где жили Деникины, в русских семьях города плакали.

Сын русского и польки Антон Деникин говорил на двух этих языках, обращаясь на каждом в отдельности к отцу и

матери, плохо знавшей русский. Воспитывался же строго в русскости и православии. Иван Ефимович глубоко веровал и водил сына в церковь сызмальства, не пропуская служб. Костел Антон иногда посещал с матерью по своему желанию.

В Великую Субботу под Пасху ксендзы и полковые батюшки обходили дома горожан для освящения на разговление столов. Деникины приглашали к себе и ксендза, и отца Елисея. Православный батюшка к такой странности относился благодушно, но ксендзы иногда отказывались служить. Елизавета Федоровна горевала, Ефимыч гневался.

Все это вылилось в скандал, когда однажды Елизавета Федоровна вернулась из костела заплаканная, в крайнем потрясении. Она долго отказывалась отвечать на расспросы мужа. Потом рассказала, что ксендз на исповеди не дал ей отпущения грехов и не допустил к причастию. Он потребовал, чтобы впредь она тайно воспитывала сына в католичестве и польскости.

Иван Ефимович сильно выругался и двинулся к ксендзу. Деникин объяснился с ним до полного католического расстройства. Ксендз взмолился не губить его. Такая «попытка к соращению» могла кончиться для польского священника ссылкой в Сибирь. На такую огласку майор, конечно, не пошел.

После этого Антон сам решил никогда не ходить в костел. Он и раньше бывал там лишь из-за любви к маме, но богослужение в импозантном, высоченном костеле больше вос-

принимал интересным зрелищем. В русской убогой полковой церквушке Антон чувствовал родное. Да девятилетний мальчик и был в ней далеко не последним прихожанином. Антон с воодушевлением прислуживал в алтаре, звонил в колокола, пел на клиросе, потом ему на службах доверили читать «Шестипсалмие» и «Апостола».

Антон веровал со всей чистотой. Как-то в школе его оставили за провинность после уроков на час в классе. За это еще должны были «пилить» дома, и он встал на колени перед висевшей тут иконой с молитвой:

– Боженька, дай, чтобы меня отпустили домой!

Когда он поднялся, открылась дверь и заглянувший учитель вдруг сказал:

– Деникин Антон, можешь идти домой...

Много Антон молился по разным поводам. Понимал, что надо нести наказание за грехи, но предпочитал порку вместо «пилки». Тогда он призывал:

– Господи, дай, чтобы меня лучше посекли – только не очень больно, – но не пилили!

Да почему-то чаще ему доставались материнские нотации.

Русско-польские отношения обострялись из-за нелепой русификации, наглядной и в школьном быте. Например, ксендз обязан был в реальном училище, где позже учился Антон, польским ученикам преподавать Закон Божий на русском. Польский язык был предметом необязательным,

неэкзаменационным, преподавали его также на Русском. На польском в училищных стенах и ограде, на Ученических квартирах строжайше запрещалось говорить.

Против подобных несуразиц восставал даже варшавский генерал-губернатор Гурко, герой русско-турецкой войны, считавшийся поляками «гонителем польскости». Другое дело, что такие выверты жизни мало касались: ксендз на уроках лишь для виду бросал несколько русских фраз, польские ученики никогда не говорили между собой по-русски.

Болезненно переживая такое мальчиком, подростком, по которому это рикошетило, на склоне жизни в своих воспоминаниях А. И. Деникин отмечал:

«Я должен, однако, сказать, что эти перлы русификации бледнеют совершенно, если перелистать несколько страниц истории, перед жестоким и диким прессом полонизации, придавившей впоследствии русские земли, отошедшие к Польше по Рижскому договору 1921 года. Поляки начали искоренять в них всякие признаки русской культуры и гражданственности, упразднили вовсе русскую школу и особенно ополчились на русскую церковь. Польский язык стал официальным в делопроизводстве, в преподавании Закона Божьего, в церковных проповедях и местами – в богослужении. Мало того, началось закрытие и разрушение православных храмов: Варшавский собор – художественный образец русского зодчества – был взорван; в течение одного месяца в 1937 году было разрушено правительственными агента-

ми 114 православных церквей – с кощунственным поруганием святынь, с насилиями и арестами священников и верных прихожан. Сам примас Польши в день святой Пасхи в архипастырском послании призывал католиков в борьбе с православием «идти следами фанатических безумцев апостольских»... Отплатили нам поляки, можно сказать, с лихвою!»

В 1882 году накануне своего десятилетия Антон Деникин выдержал экзамен в 1-й класс Влоцлавского реального училища. Он надел форменную фуражку будто офицерскую. Впервые в жизни родители отвели его в кондитерскую, где угощался шоколадом и пирожными.

Начал Антон учиться отлично, но во втором классе заболел оспой и чуть не умер. Лечивший его военврач-старичок однажды посмотрел на мальчика, мечущегося в бреду, и, перекрестив его, молча ушел. Тогда, плюнув на полковое братство, Ефимыч бросился к городскому врачу, который поднял сына на ноги.

Пропустив несколько месяцев, Антон отстал особенно по математике – главному, как считалось, предмету училища.

* * *

Реальные училища, основанные в Германии в XVIII веке, начали развиваться в России с тридцатых годов XIX столетия. В противовес классическим гимназиям эти общеобразовательные учебные заведения преследовали практические

цели. Вместо налегания в гимназиях на изучение древних языков, сочинений латинских и греческих классиков, реальные училища больше упирали на хорошее знание математики, физики, химии, космографии, естественной истории, рисования и черчения. Они выпускали «реально» компетентную молодежь для поступления в высшие специальные учебные заведения, инженерные училища.

С трудом Антон перешел в третий класс, потом едва перевалил в четвертый, а тут взялся умирать отец.

Ефимычу в этом 1885 году было 78 лет, но Антону всегда казалось, что он вечен. Отец стойко никогда не гнулся под жизненными невзгодами. В старости он словно снова обратился в продубленного фельдфебеля, старшего из унтеров, первого помощника ротного по административным и хозяйственным делам. Он сына не поучал, не наставлял. Как при свисте пуль, Деникин-старший своими поступками «командовал»: делай, как я! А в бесхитростных рассказах о себе и людях отец душевно ярился лишь на человеческую неправду, против которой прямолинейно стоял будто в штыковой.

Казалось, совсем недавно отец с развевающейся седой бородищей кряжисто топал с Антоном по городу, когда увидел, что парнишка стоит над тяжеленным мешком с мукой и плачет. Сбросил тот его со спины, чтобы передохнуть, а один снова поднять не может. Отец, не раздумывая, вскинул ношу на плечи парню. А дома выяснилось, что надорвался от этого «фельдфебель» грыжей.

Последние годы прижимали Ефимыча мучительные боли в желудке, но не привык он звать себе докторов, да и не на что было. Когда весною от страданий майор уже не смог встать с постели, пришел врач и определил рак желудка.

Иван Ефимович сразу успокоился, стал готовиться к смерти. Он говорил о ней невозмутимо, но от этого жгучей болью стегало по Антонову сердцу. Однажды, когда они остались одни, отец сказал:

– Скоро я умру. Оставляю тебя, милый, и мать твою в нужде. Но ты не печалься – Бог не оставит вас. Будь только честным человеком и береги мать, а все остальное само придет. Пожил я довольно. За все благодарю Творца. Только вот жалко, что не дождался твоих офицерских погон...

Шел Великий пост. Отец молился вслух:

– Господи, пошли умереть вместе с Тобою.

В Великий Пяток Антон был в церкви на выносе плащаницы и пел, как всегда, на клиросе. К нему подбежал знакомый мальчик:

– Иди домой, тебя мать требует!

Прибежал Антон домой – отец уж мертв. Чудесно исполнилось отцово желание умереть вместе с Иисусом, чтобы потом, конечно, и воскреснуть.

Хоронили Ивана Ефимовича на третий день Пасхи. Гредел похоронным маршем оркестр 1-го Стрелкового батальона. Гроб опустили в землю под выстрелы пограничной сотни. Могильную плиту Деникина-старшего его друг ротмистр

Ракицкий увековечил надписью: «В простоте души своей он боялся Бога, любил людей и не помнил зла».

* * *

Тринадцатилетний реалист 4-го класса Антон Деникин впервые почувствовал, как тяжело на плечи ложится ответственность. После смерти отца, их последнего взрослого мужчины (дед Вржесинский умер раньше), оставшимся квартира показалась пустыней. И нельзя было выжить подростку, его матери и Полосе на пенсию, сократившуюся до двадцати рублей. После смерти военных их вдовы получали ее пожизненно, сыновья – до 17 лет, дочери – до 21 года.

Антон тянул в училище, лавируя между двойкой и четверкой, но теперь он стал Деникиным-старшим. Чему-то же он научился в этой жизни! И принялся за репетиторство двоих училищных второклассников. Антоний Деникин, плотный парнишка, со внимательным взглядом темных глаз на благородной физиономии, впечатлил родителей этих окончательных двоечников. Подрядился он за уроки получать 12 рублей в месяц.

Тяжело было в педагогах, особенно зимой, когда рано смеркалось. Возвращался Антон из училища часа в четыре, наскоро обедал. Бежал на один урок, потом на другой в противоположный конец города. Снова являлся домой к ночи, и надо было свои уроки готовить. Он забыл про игры и

чтение любимых Густава Эмара, Жюль Верна. Праздников ждал манной небесной.

Зато с первого гонорара репетитора купил себе Антон коньки. Но недоступны ему были прекрасно пахнущие «сердельки», как эти смачные колбаски назывались. Во время полуденного перерыва они миражно дымились на буфетной стойке училищного коридора... Готовальню с чертежными инструментами пришлось приобрести на толкучке. Была она неполна, неисправна, и из-за этого учитель математики вкатил Деникину в четверть очередную Двойку, чертежником-то Антон был хорошим.

Надо было выкручиваться. Математика его доканывала, зато писателем Деникин оказался. Наловчился строгать для однокашников-поляков пачками домашние сочинения. Нелегкое это дело, требовалось изготавливать по три-четыре штуки на одинаковую тему к одному сроку. Но талантливо творил. Однажды занудный преподаватель литературы и русского инспектор Мазюкевич, прочитав работу Деникина под другим именем, обратился к реалисту, представившему сочинение:

– Сознаться, это не вы писали? Должно быть, заказали знакомому варшавскому студенту.

Трудился Антон больше за право пользоваться хорошей готовальней, другими учебными принадлежностями, отменными у «нанимателей». А поздними вечерами под своей фамилией писал стихи:

*Зачем мне жить дано
Без крова, без привета?
Нет, лучшие умереть —
Ведь песня моя спета.*

Посылал их в журнал «Нива», лихорадочно ждал ответов, которых не получал.

Пришлось самостоятельно мыслящему литератору Антону столкнуться и с местным «главным» по художественному творчеству – инспектором Мазюкевичем. Тот задал классное сочинение на такие слова известного тогда поэта:

*Куда как упорен в труде человек,
Чего он не сможет, лишь было б терпенье,
Да разум, да воля, да Божье хотенье.*

Мазюкевич тенденциозно объяснил:

– В последней фразе поэт разумел удачу.

Деникин же, не разлучавшийся с церковью и после кончины отца, дерзко закончил это свое сочинение: «...И, конечно, Божье хотенье! Не «удача», как судят иные, а именно «Божье хотенье». Недаром мудрая русская пословица учит: «Без Бога – не до порога».

За такой пассаж «иной» Мазюкевич вклеил Деникину тройку. Потом до самого выпуска Антон, несмотря на все усилия, у инспектора больше четверки не поднимался.

В результате пилюль судьбы Антон Деникин остался в пятом классе на второй год. В среднем он получил по каждому из трех основных математических предметов в пятибальной системе – два с половиной. Обычно в таких случаях педсовет прибавлял для перевода недостающую «половинку». Директор Левшин настаивал на этом, но принципиальный преподаватель математики Епифанов категорически резюмировал:

– Нет – для его же пользы.

Деникин был, так сказать, урожденно самолюбив. Став второгодником, он измучился от стыда. К тому ж, мать жалко объясняла все понимающим знакомым, будто Антон оставлен «по молодости лет».

В то лето Антон работал репетитором со своими подшефными в деревне. Все свободное от занятий с учениками время он отдал сокрушению крепости математики. Учебники по алгебре, геометрии, тригонометрии проштудировал от корки до корки. Полностью перерешал включенные в них задачи...

Воскликнул Деникин в конце лета:

– Ну, Епифаша, теперь поборемся!

Преподаватель Епифанов был влюблен в математику, лиц, не знающих ее, считал дураками. В классе он всегда выбирал двоих-троих особенно способных к предмету и только с ними занимался серьезно, относясь едва ли не как к равным. Этих вундеркиндов реалисты называли «Пифагора-

ми». Элита никогда не вызывалась к доске, неизменно аттестовывалась Епифановым в четверти круглыми пятерками. Лишь когда класс тонул в его страстных объяснениях, учитель приглашал кого-то из «пифагоров» их повторить. И те, бывало, разъясняли гораздо понятнее.

Во время классной задачи «Пифагоры» сидели отдельно. Епифанов давал им более грандиозное, многотрудное задание или колдовал с интеллектуалами над последними новинками из «Математического журнала». Класс единодушно признавал гениальность «пифагоров» и часто обращался к ним за помощью.

Звездный час Антона Деникина пришел сразу после каникул. На уроке математики он сел за парту невдалеке от «пифагоров», чтобы и с ними померяться.

Первую же классную задачу Деникин решил за десять минут. Сдал ее и подслушал, что Епифаша толкует асам на «пифагоровой» скамье:

– В прошлом номере «Математического журнала», господа, была предложена задача: «Определить среднее арифметическое всех хорд круга». А в последнем номере сообщено, что ее решения не прислано. Не хотите ли попробовать?

«Пифагоры» вонзились в расчеты. Деникин напрягся со всем арсеналом, выбитым в знойные летние дни, когда так зовет река. Суетливыми пальцами он испещрял бумагу. Наконец, не веря своим глазам, подумал:

«Что это? Неужели решил?!»

Он услышал, что «Пифагоры» сзади обеспокоенно шепчутся: не осилили решения. Деникин, заливаясь краской, встал и дрожащими руками подал свой лист Епифанову.

– Кажется, я решил.

Епифанов воткнулся глазами в его решение. Прочел и ни слова не произнес. Прошел к кафедре, развернул журнал, чтобы видел весь класс. Четко вывел – пятерку!

С этой минуты Антон. Деникин стал «Пифагором» с величием надлежащих привилегий и почета. В пятом классе по высоким математическим баллам он занял третье место, а в шестом весь год прошел лидером.

Это было первое деникинское сражение, в котором он доблестно победил. Он прорвался, потому что мосты сзади были сожжены. Три года до виктории Антон в троечниках изнемогал от укоров и вымученных объяснений. Самолюбие жестоко страдало. И в старости Деникин не мог забыть того изнурительного боя за «пифагорову» высоту, он писал:

«В моем характере проявилась какая-то неуверенность в себе, приниженность, какое-то чувство своей «второсортности»... С этого же памятного дня я вырос в собственных глазах, почувствовал веру в себя, в свои силы, и тверже и увереннее зашагал по ухабам нашей маленькой жизни».

Многое удалось Антону почерпнуть от сближения с талантливым преподавателем математики Александром Зиновьевичем Епифановым. Тот – москвич из старообрядцев, народник толстовского направления – закончил Московское

высшее техническое училище и с молодой супругой прибыл на службу во Влоцлавск. Нравы столичной пары сразу начали раздражать местных обывателей. Называли Епифанова, по польской склонности преувеличивать, «пан профессор», а он сам таскал ведро с отбросами в дворовую помойную яму. «Пани профессорова» своими руками стирала и развешивала белье перед домом. Когда рабочие доставили и расставили им мебель, хозяева усадили тех обедать вместе с собой...

«Приличные» люди помягче посчитали Епифановых «тронутыми», другие определили их грязно пахнущим словом «социалисты». Вскоре жена главного местного представителя карающих органов, жандармского подполковника, проболталась, что над Александром Зиновьевичем установлен негласный надзор. Насколько учитель был «противоправительственным», точно Деникин не понял, потому что тот даже с ними, «Пифагорами», политических тем старался не касаться. А будучи классным наставником, Епифанов показывал себя превосходно: прикрывал от придирчивых инспекторов, наказывал и прощал справедливо.

«Пифагоры» имели право на свободное общение с математиком. Они бывали у него вечерами за чаем, Епифанов всегда приглашал, если «появятся волнующие вопросы». В таких беседах он не морализировал, не навязывал своей позиции, а раскованно спорил с ребятами, что по жизни, что по литературным проблемам, какие обязательно волновали

юношей в конце XIX века. Антон впервые слышал горячее слово русского интеллигента, Епифанов будил разум, сердца его и товарищей.

Кончилось тем, что как-то помощник классных наставников вечером проводил рейд по квартирам, проверяя времяпровождение реалистов. Узнал, что целая их группа (Деникин в том числе) заседает у Епифанова. Училищное начальство немедленно приказало им прекратить эти посещения.

Не ужился Александр Зиновьевич во влоцлавском училище, перевели его в реальное еще меньшего городка Ловича. Но там Епифанов бурно протестовал против системы «доносительства», которое руководство поощряло среди учеников. Тогда загнали его на низшее жалованье уж в Замостье, то ли в прогимназию, то ли в училище ремесленное. А потом о белой вороне Епифанове вовсе слух пропал.

Осиротели «Пифагоры», да и другие школяры добрым словом поминали оригинала-математика, человека, не носившего масок. А статус Деникина – первого ученика в классе, добытый им благодаря своевременному «нет» Епифаши, – помог всей семье пятнадцатилетнего Антона. Ее судьба прижала окончательно. Елизавета Федоровна, Антон и Полося решили, что если не удастся им держать дома квартиру для учеников, то за бедностью обрушится нищета.

Пошел Деникин с матерью просить на это разрешение у директора училища Левшина. Тот любил Антона, потому что он хорошо пел в созданном им ученическом церковном

хоре, да и «пифагорство» сумел добыть, несмотря на то, что Левшин пытался ему медвежьи помочь перед забиякой Епифановым. И мало того, что директор разрешил матери с сыном содержание квартиры, а и поставил Антона старшим над проживающими. Деникины получили право восемь человек поселить, 20 рублей плата – с каждого!

Беспросветная нужда семейства с этих пор кончилась. Елизавета Федоровна стала относиться к посерьезневшему сыну по-новому, ни в косм случае не «пилила». Наоборот, мать делилась с мужающим на глазах юношей своими переживаниями, советовалась по домашним вопросам. А он просто помнил предсмертный наказ отца.

* * *

Реальное училище, где учился шестиклассник Антон, включало семь классов. Но молодежь, оказавшаяся «прогрессивной» и в тишайшем Влоцлавске, так заявила о себе, что выпускной класс испарился.

Дело в том, что реалисты-семиклассники с пробиванием пуха на верхней губе ввели традицию ходить вне училища в штатском. В едином свободомыслии они болтались по ресторанах, где нахально выпивали, плюнув на установленный срок, после которого учащимся не разрешалось появляться на улице. Директор Левшин был гуманным человеком, но любил порядок, в соответствии с чем распрощался с Епифа-

новым. Он попробовал приструнить ухарей, распоясавшихся уже до прямых дерзостей педагогам. И один из семиклассников в жарком отстаивании своих «прав» ударил директора по лицу!

Негодяя исключили с «волчьим билетом» – без права приема в любое учебное заведение. Директора же погнали по нисходящей в Лович, а 7-й класс вообще закрыли. Соломонова справедливость восторжествовала, если не считать, что влоцлавским шестиклассникам пришлось заканчивать выпускной класс в других местах. Деникин отправился за этим в реальное училище того же Ловича, городишка ближе к Варшаве, где было механико-техническое отделение.

Снова оказавшийся тут директором господин Левшин представил новичка превосходно. Антон, уже привыкший пяди не уступать, оправдал его рекомендацию, сразу начав в седьмом классе брать призы по математике. По левшинской же, возможно, протекции получил он на ученической квартире, где поселился, должность «старшего», как и у себя дома во Влоцлавске. Это было крайне бесполезное обстоятельство – «старший» платил лишь половину содержания. Но такие скидки просто так не давали.

Деникину надлежало следить за внутренним порядком в помещении одиннадцати квартирующих с ним человек. А самое неприятное – заполнять месячную отчетность с графой: «Уличенные в разговоре на польском языке».

Антон Деникин всегда чувствовал себя русским не по

принадлежности к Российской империи, а подуху. Став реалистом и по училищу, он вел себя среди подавляющего кол-лектива польских учеников, пожалуй, также, как его мама, демонстрировавшая свою «природность» в их семье. Только Антон подчеркивал в училище «русака». Как и дома с «интернациональными» родителями, он разговаривал с поляками по-польски, а с русскими – по-русски. Но русских в классах было немного, в каждом – человека три-четыре. И те, «природные русаки», пытались подстраиваться к окружающим, ополячивали родную речь. Это выводило Антона из терпения. Деникин вызывающе вел себя с такими, непременно четко выговаривая русские слова, и дрался.

Однажды после подобной стычки к Деникину подошел однокашник – такой же боевой среди поляков – и пожал Антону руку.

– Я уважаю тебя за то, что ты говоришь по-русски со своими, – он подчеркнул последнее слово.

Поляки выделяли в Деникине эту независимость, они за такое право шли на восстание косиньерами, когда не имели боевого оружия. Бывало, что гуляли с Антоном за городом вместе и кто-то затягивал бунтовскую «З дымом пожарув» или «Боже, цось Польске». Другие поляки останавливали певца:

– Брось, нехорошо, ведь с нами русский.

Как же мог «старший» Деникин, воспитанный в непрерываемых заветах чести, указывать на своих товарищей, гово-

ривших по-польски напропалую? Рискуя потерять большие льготные деньги, которые в его семье по-прежнему считали, Антон стал выводить в злосчастной графе: «Таких случаев не было».

Через три месяца Деникина вызвали к Левшину. Директор произнес сурово:

– Вы уже третий раз пишете в отчетности, что уличенных в разговоре на польском языке не было.

– Да, господин директор.

– Я знаю, что это неправда.

Деникин молчал. Вздыхнул Левшин.

– Вы не хотите понять, что такой меры требуют русские государственные интересы. Мы должны замирить и обрусить этот край.

Директор пристально смотрел ему в лицо. Молчал Антон. У Левшина изменились глаза, приблизительно так, как когда-то после приговорного «нет» Епифанова, и он сказал:

– Ну, что же, подрастете и когда-нибудь поймете. Можете идти.

Деникин до выпуска продолжал «не уличать» поляков, но со «старшего» его не сняли.

Когда генерал Деникин станет белым вождем, глава нового Польского государства Пилсудский увидит в нем врага Польши. Это будут повторять некоторые комментаторы истории. Безосновательность такого ярлыка очевидна. Тенденциозность же – от того, что, свято храня свое право на неза-

висимость, такие люди отказывают в нем другим. А ведь Антон, ставший Антоном Ивановичем, лишь продолжал честную позицию старого императорского офицера, своего отца. Тот тоже сталкивался с поляками, лишь когда этого требовали высшие интересы России.

Таким в кабинете директора Антон не посчитал мелочное «обрусительство», но впоследствии офицером он потребовал «равноправия» от его бывших поляков-однокашников. Немало из них закончили высшие технические училища и, встречаясь с ним, продолжали разговаривать по-польски, рассчитывая от него на такой же язык. Теперь Деникин стал говорить с ними только по-русски, отчего многие обиделись и отвернулись.

Лишь в 1937 году Антона Ивановича разыскал за границей, прочитав его книги, училищный одноклассник, сделавшийся высоким лицом. Это был вышедший в отставку первый директор государственного банка Польши, занимавший пост и министра финансов Станислав Карпинский. Он прислал Деникину свою книгу воспоминаний, несмотря на упрёки на генерала в «антипольскости». Стали переписываться, и в одном из писем Антон Иванович многозначительно отметил:

«Память моей покойной матери-польки и детские и юношеские годы, проведенные на берегах Вислы, оставили во мне глубокий след и создали естественную близость, понимание и расположение к польскому народу».

Карпинский жил с Антоном в Ловиче вместе и являлся одним из тех в их общежитии, в основном польском, кто горячо брался за «мировые вопросы». Тогда Деникин был круглосуточно в обществе своих 16-17-летних сверстников, их юношеское воображение кипело в поисках правды, смысла жизни. Чем только не интересовались: и новейшими техническими изобретениями, и «четвертым» измерением.

Много читали художественной литературы, штудировали труды по социальным проблемам. Отчаянно спорили. Поляки старались не касаться при русских лишь политических вопросов, поляков всегда тайно томила одна идея: «Еще Польша не сгинэла». Деникин же тогда бросил что писать, что читать стихи, определив заодно и Пушкина, Лермонтова «ерундой». Их прелесть он оценит позже. Зато с жюль-верновской тематики переключился на «Анну Каренину», может быть, потому что такой роман был строго запрещен в тогдашнем Антоновом возрасте.

Страстнее всего эту здравую молодежь в конце XIX столетия по Рождеству Христову занимал религиозный вопрос. Они не вникали в разницу вероисповеданий, а доискивались главного – о бытии Бога. Вот когда их души подлинно волновались, взмывая и обессилевая до дна. Наряду с Библией прорабатывали сочинения «физиологического» Эрнеста Ренана о Христе, христианстве и другие безбожные книжки. Ночи уходили на дискуссии.

Давно неподдельно воцерковленный Деникин в этом бо-

гоискательстве со своих высот не падал, а товарищи дружно ломились в открытые двери. Один русский пошел с крамольными сомнениями к православному преподавателю Закона Божьего. Тот выслушал, промолчал и вlepил ему, чтобы не сомневался, двойку в четверть, обещал срезать и на выпускном экзамене. А поляки к своему ксендзу по такому и обращаться боялись, опасаясь его доноса. Этот неукоснительно представлял начальству списки уклонившихся от исповеди, за что их родителей на неприятный разговор вызывал директор, и виновникам снижался балл за поведение.

Богоискателям-полякам все же больше повезло. Один из них, вопреки правилам, отправился на исповедь к ксендзу не из училища. Молодой священник, выслушав его покаяние в маловерии, смиренно сказал:

- Прошу тебя, сын мой, исполнить одну мою просьбу, которая тебя ничем не стеснит и ни к чему не обязует.
- Слушаю вас, – смятенно ответил реалист.
- В минуты сомнений твори молитву: «Боже, если Ты есть, помоги мне познать Тебя».

Это произвело сильнейшее впечатление на все общежитие. Старший же в нем Деникин больше бился со своими колебаниями в одиночку. И однажды ночью Антона так озарило, что он горячо произнес про себя:

«Человек – существо трех измерений – не в силах осознать высшие законы бытия и творения. Отметаю звериную психологию Ветхого Завета, но всецело приемлю христиан-

ство и православие!»

В своих воспоминаниях генерал Деникин записал, что тогда «в одну ночь пришел к окончательному и бесповоротному решению... Словно гора свалилась с плеч! С этим жил, с этим и кончаю лета живота своего».

В записках старый генерал не захотел разобраться, как православие с его иерархичностью, так сказать, с классическим монархизмом, потом ужилось в нем с тем, что Деникин «приял российский либерализм в его идеологической сущности». Это он так же указал в цитируемой книге «Путь русского офицера». Но подобная двойственность во многом определит судьбу Антона Ивановича и Белого дела.

Что ж, судьба, корнево обозначающая: «суть-Бога», — немало проявляется через отношение человека к личностям, ярко возникающим на его жизненном пути. Таким со знаком плюс, в первую очередь, был для Деникина либерал-народник, нецерковный человек Епифанов. Все другие учителя, призванные сеять как доброе, так и вечное, невыгодно запечатлелись у Антона Ивановича, о чем он написал:

«Перебирая в памяти ученические годы, я хочу найти положительные типы среди учительского персонала моего времени и не могу. Один Епифанов... Это были люди добрые или злые, знающие или незнающие, честные или корыстные, справедливые или пристрастные, но почти все — только чиновники. Отзвонить свои часы, рассказать своими словами по учебнику, задать «отсюда досюда» — и все. До наших ду-

шонок им не было никакого дела».

После падения русского «православного царства» и убийства его императора монархисты и на склоне XX века не уставали удивляться этим событиям. Действительно, они дикки, принимая во внимание прекрасно одухотворенную личность государя Николая II. Это Николай Александрович пронзительно свидетельствовал в своем тобольском, екатеринбургском заключении, приняв смерть венцом смиренного мученичества. А если посмотреть глазами того современника-мальчика, подростка хотя бы на этих учителей-«чиновников», прежде всех олицетворявших у юного царское самодержавие, на них, воспитателей, кому нет никакого дела до «душонок»?

Тогда становится понятнее чудовищное раздвоение русского предреволюционного общества, сильных мира его, офицерского корпуса, всего народа. Я не собираюсь в этой книге анализировать, что «лучше»: например, монархизм или республиканство, вера или идеология. Хочу только констатировать и сопоставить факты и обстоятельства, как и положено в историческом репортаже-исследовании. Так вот, «типов и фактов анекдотических», по выражению Деникина в своей автобиографии, в его юной жизни невпроворот.

Клоуном выглядел в начальной школе немец – учитель немецкого языка, потрясаяще коверкавший русскую речь. Он и ученики плохо друг друга понимали. Но после нескольких уроков его настоятельных объяснений ребята, наконец,

осознали учительскую главную идею: величайшим поэтом в мире является Клопшток.

На смену фанатику Клопштока появился учитель-взяточник. Этот на очень доходчивом русском обращался к намеренной ученической жертве:

– Вы не успеваете в предмете. Вам необходимо брать у меня частные уроки.

За месяц дополнительных занятий два-три раза еженедельно по полчаса он запрашивал 25 рублей, гарантировался хороший балл в году и на экзамене. Добрался мздоимец и до Деникина. Тот по многим причинам сдержанно сказал:

– Нам, господин учитель, платить за уроки нечем. А на тройку, надеюсь, я знаю достаточно.

Не слаще было и по русской литературе – это в польском крае, который столь желали русифицировать! Казенщина преподавания и у русских школьников отбивала охоту к чтению, за что и расплатился реалистом Антон, сбросив с корабля его современности Пушкина и Лермонтова.

В ловичском же училище четыре предмета полюбившейся Деникину прикладной математики преподавал полупаралитик. Начальство заботилось, чтобы он дослужил несколько лет до полной пенсии, мало беспокоясь об инвалидности учеников. Математик пользовался синекурой злобно и раздражительно. В классе бывал редко, никогда не объяснял уроков, лишь задавал их и спрашивал, сокрушительно сыпая двойками и единицами. Домашние работы он, очевидно,

не проверял. Они возвращались от него без поправок, зато с подписью – жены.

Седьмой класс, в котором состояли влоцлавские «Пифагоры», взбунтовался. Верховодить утвердили единодушно Деникина. Когда математик появился в классе, Антон встал.

– Сегодня мы отвечать не будем. Никто нам урока не объяснил, мы не понимаем заданного.

У математика началась истерика. Он закричал, что здесь идиоты, не понимающие простых вещей. Потом притих, но все равно не стал заданного объяснять, снова лишь спрашивал. Правда, отметок в этот день не ставил.

Лопалось терпение и у родителей учащихся. Скандал разгорелся в горячке предстоящих выпускных экзаменов. Отец одного из семиклассников, какого математик замучил двойками да еще не допустил к экзаменам, пожаловался о его художествах в Варшавский учебный округ. От производства экзаменов убогого во всех смыслах математика отстранили, но в преподавателях училища оставили...

На решающих сражениях выпуска по математике оказалось, что выходки полупаралитика лишь цветочки. Ягодкой стала беспрецедентная диверсия преподавателя «чистой математики». Этот горел, потому что два года подряд результаты его подопечных по выпускной работе «приложения алгебры к геометрии» оказывались неудовлетворительными. А они шли в округ, где немилосердно судили об успешности преподавания предмета.

«Чистый» математик и решился «сдать» свой проект экзаменационных тем, задач – самим выпускникам. Пошел на учебное святотатство! Все математики окрестных училищ должны были посылать свои проекты попечителю округа секретным порядком. Тот выбирал из них основную и запасную тему экзаменационного проекта, отсылал его в училища в запечатанных конвертах, вскрыть которые надлежало лишь в час экзамена.

Лихой ловичский математик был уверен, что его проект обязательно на экзамен пройдет, и поведал семикласснику, бывшему с ним на короткой ноге:

– Хотя это государственное преступление, но я дам тебе для класса проект моего задания. Под одним только условием: учащийся Яский не должен знать; ему не доверяю, – и вручил реалисту пакет.

Вот уж закипели подпольные страсти в седьмом классе! За заслуженным общежительным старшим Деникиным, уже признанным лидером класса, и тут было авторитетное слово. Решили, что раз «чистый» дал шанс не только любимчикам, то никакое это не преступление, а нормальное средство защиты от истинных тиранов в округе. Ломали голову, как поступить с Яским. Ошибался в нем математик: тот был человек и товарищ что надо.

Поручили Деникину подсунуть Яскому это задание, не объясняя его назначения, чтобы тот его тренировочно решил. Антон хитро то сделал, неведомо во всеоружии оказал-

ся и Яский... Да возник другой «благородный» вопрос: имеют ли моральное право ловичане диверсантством попользоваться, когда варшавские выпускники-реалисты могут срезаться? Постановили, что так нечестно. Выслали в Варшаву гонца, тот призвал варшавян к «ганнибаловой» клятве о полной тайне и передал задание.

Как никогда бодро сидел седьмой класс на экзамене по «чистой» математике. Вскрывает комиссия конверт, пишется на доске задание... Что такое? Не та задача, которую диверсант подсунул! И непроходимо трудная...

Деникин быстро прикидывает ее условие в уме, пытается рассчитать... Никак не получается, он снова напрягается – опять выходит чепуха. Антон переглядывается с «Пифагорами». Те тоже в недоумении.

Встает Деникин, берет свой пустой штампованный лист, идет к столу комиссии. Кладет на него чистую бумагу.

– Задание составлено неверно.

Командно поднимаются со своих мест «Пифагоры», выкладывают перед комиссией их пустые листы. Зашептались за длинным столом, побежали к директору... Наконец, выяснилось: чиновник окружной канцелярии, переписывая задание, пропустил целую строчку, обессмыслив его.

Собирается снова комиссия, вскрывает запасной конверт. Класс едва не восклицает в один голос – то самое диверсантское задание! По «приложению алгебры к геометрии» блестяще прошел экзамен в Ловиче и Варшаве, «чистый» учи-

тель был удостоен благодарности от окружного начальства.

На «сдаче» Закона Божьего «его» преподаватели действовали попроще. Ксендз заранее распределял между поляками билеты, каждый из которых «прикреплялся» к назначенному выпускнику, для видимости бравшему билетик с экзаменационного стола. Отвечал же тот ксендзу перед ловащим мух председателем комиссии по билету «незаконному».

В связи сданной «папистской» политикой, прибывший на экзамен полковой отец Елисей, знакомый Антону с детства, собрал четверых православных выпускников и сказал:

– Систематически плутует ксендз! Негоже и нам, православным, ударить в грязь лицом перед римскими католиками. Билет билетом, а спрашивать я буду вот что.

Указал батюшка каждому из присутствующих его тему и продолжил:

– А потом, будто невзначай, задам еще по вопросу. Вас спрошу, – он обратился к Антону, – «Не знаете ли, какой двенадесятый праздник предстоит в ближайшее время?» Вы ответите и объясните значение праздника. А вас спрошу, – батюшка кивнул другому реалисту, – «Не знаете ли, какого святого память чтит сегодня Святая Церковь?» Вы ответите. «А чем примечательна его кончина?» – снова я вас спрошу. Ответите вы: «Распилен был мучителями деревянной пилой». Спрошу я вас опять...

Деникин на экзамене бойко объяснил ближайший двенадесятый праздник. Да не повезло его однокласснику с расска-

зом, как пилили святого человека деревянной пилой. Председатель комиссии, обычно промаргивавший звездохватов католиков, вдруг наострился... Очень трудно было изложить православному деревянную «пилку», от какой на этом экзамене окончивший реальное училище Антон Деникин окончательно избавился.

Завершил он училищное «пифагорство» семью пятерками тью математическим предметам.

Осенью 1890 года Антон долгожданно стал юнкером. Предварительно записавшись в 1-й Стрелковый полк, накануне своего 18-летия Деникин поступил в Киевское юнкерское училище на двухлетний военно-училищный курс.

В 1860-е годы в России прошли крупные реформы по военному образованию. Они отделили общеобразовательный курс в военноучебных заведениях от военно-специального. К концу 80-х годов для подготовки офицеров были училища двух типов. Это однородные по воспитанию и образованию военные училища, так как комплектовались выпускниками кадетских корпусов, и юнкерские училища, куда принималась молодежь всех категорий, сословий и разного уровня образования. Юнкерские были с облегченной программой и выпускали в звании, средним между офицерским и сержантским, только в пехоту и кавалерию. Питомцы же военных училищ выходили во все роды оружия офицерами.

В 1888 году для постепенного преобразования в военные училища юнкерских их стали переводить на военно-учи-

личный курс. Первыми это коснулось юнкерских Московского, Киевского, куда после этого попал Деникин, и Елисаветградского кавалерийского. Начали принимать сюда «военно-училищно» только лиц с законченным высшим или средним образованием гражданских учебных заведений. У этих юнкеров стали те же, что и в военных Училищах, программа и права. Их выпускники 1-го и 2-го разрядов получали подпоручиков, лишь «третьеразрядники», как и в военных училищах, выходили унтерами.

Позже, в 1911 году преобразуют в военные училища все юнкерские, которые как тип военно-учебных заведений перестанут существовать. Таким образом, перед Первой мировой войной русский офицерский состав по своей квалификации не уступал германскому и был выше французского.

Юнкерами назывались как учащиеся юнкерских, так и военных училищ. В общем, юнкер военно-училищного курса Киевского юнкерского Антон Деникин чувствовал себя не второсортнее претендовавших на элитарность бывших кадетов. А среди юнкеров, поступивших в Киевское на обычный курс, он в числе своих девяти товарищей являлся птицей высокого полета.

Училище было в старинном крепостном здании, глядевшем окнами с пушечными амбразурами в поля, за которыми стелился Днепр. В этих сводчатых стенах-нишах замкнулась юнкерская жизнь, уличная воля которой выпадала лишь в отпускные дни. Оказавшихся здесь бывших гимназистов,

студентов томили припечатавшие их неукоснительным порядком казематы. Антона, с детства пристрастного к военному быту, режим не тяготил. Но и он в теплые ночи вместе с тоскующими новобранцами торчал в открытых амбразурах, вдыхая полевой ветер.

Некоторые не выдерживали. Спускались на жгутах из простыней вниз, а к утренней переключке их вздымали вверх. На случай обхода дежурного офицера на кроватях самовольщиков лежали под одеялами отличные муляжи. Уходили в самоволку и лишенные увольнений. Эти вечерами пробирались назад через классные комнаты нижнего этажа, где юнкера допоздна сидели за самоподготовкой. Припало и Антону возвращаться из вылазки.

Постучал условленно Деникин в окно класса своего отделения. Быстро оно распахнулось, закинул он туда фуражку, шинель, штык, который юнкер должен носить по полной форме. Запрыгнул сам, приземлился за парту и уткнулся в книгу.

Теперь надо незаметно переправить в ротное помещение то, в чем и с чем выходил. С фуражкой, штыком нетрудно, но шинель придется тащить на виду. Накинул Антон ее на плечи, двинулся в роту. И вот несчастье – навстречу дежурный офицер.

– Вы почему в шинели?

– Что-то знобит, господин капитан.

Капитана, видимо, в юнкерах тоже «знобило», он отводит

глаза, советуя:

– Вы бы в лазарет пошли.

– Как-нибудь перемогуся, господин капитан.

Уличенные самовольщики платили исключением из училища. Строгости были предельные, жестко наказывали даже за минутное опоздание из увольнения. А уж если кто-то в нем выпил, пиши пропало. За пьяное состояние сразу выгоняли, даже за «винный дух» – под арест и светил на выпуске «третий разряд по поведению». Героически выкручивались как могли. Если дежурный офицер не знал в лицо прибывшего под шафе из увольнения, за него на вечерней переключке рапортовал кто-то из его друзей, что практиковалось и в российских военных училищах в конце XX века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.